

Максим Горький

Чудаки

Annotation

«Дача в сосновой роще; сквозь редкие стволы видно стену дома, два окна, затянутые марлей, дверь и невысокую террасу. На первом плане стол, устроенный вокруг ствола большой сосны, кресло-качалка, плетёные стулья. Висит гамак. Поздний вечер, лунный свет. Когда поднимают занавес, среди деревьев видно серую фигуру доктора Потехина, он в шляпе, широком пальто. Прислушивается, глядя в сторону дачи, и, пожимая плечами, уходит не спеша налево. Через несколько секунд на террасу выходят Мастаков и Ольга, идут наискось и направо...»

- [Максим Горький](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Заметка для артистов](#)
 - [Действие первое](#)
 - [Действие второе](#)
 - [Действие третье](#)
 - [Действие четвёртое](#)
-

Максим Горький
Чудаки

Действующие лица

Константин Мастаков.

Елена.

Вукол Потехин.

Николай Потехин.

Ольга.

Медведева.

Зина.

Вася Турицын.

Самоквасов.

Саша.

Таисья.

Заметка для артистов

Мастаков – в каждый данный момент искренен. Увлекаясь – говорит очень просто, без пафоса, без аффектации и смотрит неотрывно в лицо собеседника. Раздраженный – беспомощен и слегка комичен. Красивые жесты, гибкое тело. Кокетлив, но – бессознательно. Слушая речи людей – склоняет голову набок и смотрит на них одним глазом, как птица.

Вукол Потехин – как будто потерял нечто, но не хочет, чтобы люди заметили это. Его балагурство – назойливо; под желанием смешить людей скрыто старческое равнодушие к ним. Чувствует себя одиноким и при удобном случае мстит за это окружающим его. Но когда его слушают, доволен вниманием людей, молодеет, становится проще, симпатичнее.

Николай Потехин – тяжёл, груб, к людям относится безучастно, любит подавлять их, рисуясь своей угрюмостью. Считает себя глубокой натурой. Вульгарен. От избытка самолюбия он неспособен любить; его отношение к Елене складывается из чувственного увлечения и зависти к Мастакову. В последней сцене искренен, как побитый.

Самоквасов – добрый, бесхарактерный человек, надоел сам себе, ищет, кто бы взял его в руки. Ни на минуту не забывает своего прошлого, и ему неловко среди людей, которых он впервые видит близко и неясно понимает. Доктор Потехин внушает ему антипатию, близкую к физическому отвращению. Держится, как военный, часто слишком подчёркивая это.

Вася – прищуривает глаза, в надежде казаться умнее и острее.

Елена – беззаветно и честно любит мужа, убеждена, что в её позиции нельзя себя вести иначе. Знает также, что в этой игре она рано или поздно окажется проигравшей всё. Её сдержанность – внешняя, а внутри она всё время жарко горит. Очень пластична, одета просто и изящно.

Ольга – ей за тридцать лет. Авантюристка, которая торопится найти что-нибудь прочное. Слишком много испытала для того, чтобы верить людям и огорчаться неудачами. Теряется перед Еленой, потому что не понимает её способа самозащиты. Торопливость мешает ей быть более стойкой, разгадать тактику Елены. Отнюдь не вульгарна. Эффектнее Елены и, конечно, опытнее её.

Зина – человек, который не смеет быть самим собой. Очень мила и красива.

Саша – строгое, даже несколько суровое лицо человека, видевшего

много горя и нужды.

Действие первое

Дача в сосновой роще; сквозь редкие стволы видно стену дома, два окна, затянутые марлей, дверь и невысокую террасу. На первом плане стол, устроенный вокруг ствола большой сосны, кресло-качалка, плетёные стулья. Висит гамак. Поздний вечер, лунный свет. Когда поднимают занавес, среди деревьев видно серую фигуру доктора **Потехина**, он в шляпе, широком пальто. Прислушивается, глядя в сторону дачи, и, пожмая плечами, уходит не спеша налево. Через несколько секунд на террасу выходят **Мастаков и Ольга**, идут наискось и направо.

Мастаков (вполголоса, весело целуя руку Ольги). Какая добрая, милая...

Ольга (оглядываясь). Ш-ш! Кто-то ходит...

Мастаков. Никого нет. Николай в городе, Елена у Медведевых... Дома только землемер, но он ищет противоречий, и всё ему чуждо, кроме них. (Целуя щёку Ольги.) Вот ты увидишь – я напишу пресмешной рассказ о нём...

Ольга. Ну – я иду... Не провожай...

Мастаков. Подожди! Посиди со мной. Мне хочется рассказать тебе...

Ольга (пытливо). Нас могут заметить, ты не боишься?

Мастаков. Мне хорошо, легко с тобой... Не хочется, чтобы ты уходила...

Ольга. Ага-а! Ты сколько времени не замечал, что я тебя люблю? Теперь я тоже начну бегать от тебя...

Мастаков. Господи, как всё это просто, легко и красиво...

Ольга (освобождая руку). Ну, до свиданья... до завтра!

Мастаков. Нет, подожди... дай мне сказать...

Ольга. Тише! Что ты кричишь?

(Они прошли направо, их не видно. Из-за угла дома смотрит вслед им горничная Саша. Мастаков возвращается, улыбаясь, мягко жестикулируя. Слева идёт Потехин, надвинув шляпу на брови, держа руки за спиной.)

Потехин (подозрительно). Кого это ты провожал?

Мастаков (подумав, с улыбкой). Не знаю.

Потехин. И целовал?

Мастаков (смущён, смеясь). Целовал! Друг мой – разве об этом спрашивают?

Потехин (настойчиво). Мне показалось...

Мастаков (*быстро*). Тебе часто кажется... странное! Ты только сейчас из города? Что там нового?

Потехин. Ничего, конечно.

Мастаков. А в газетах?

Потехин. Есть две статьи о тебе...

Мастаков. Хвалят?

Потехин (*с улыбкой*). Н-ну... не очень... Больше ругают, пожалуй...

Мастаков (*сядась в гамак*). Значит – можно не читать.

Потехин (*скучно*). Ты читаешь только похвалы?

Мастаков. Если ругают – неприятно читать, а хвалят – вредно. Похвалы внушают эдакие (*вертит пальцами над головой*) вредные идеи. Когда меня впервые называли талантливым, так я, брат, такой безобразный галстух купил себе, что жена (*вздыхнув*) осмеяла меня беспощадно.

Потехин. Она где?

Мастаков (*оглядываясь*). Пошла к Медведевым. Жениху Зины плохо...

Потехин. Умрёт он.

Мастаков. Вероятно. И ты умрёшь, со временем.

Потехин (*думая о чём-то другом*). Ну, мы с тобой не скоро. А он скоро. Молодому неприятно умирать.

Мастаков (*с лёгкой досадой*). Кажется, я уже слышал однажды этот афоризм.

Потехин (*так же*). Особенно неприятно умирать... оставляя невесту...

Мастаков. Ты это испытал? Ух, скучный ты... странный ты человек! Юноша знает, что ему не жить, но – ведь он не стонет, не жалуется, он умеет скрыть свою тоску... и это благородное уменье, эта прекрасная сдержанность как будто раздражают тебя... и других! Вы ходите вокруг него и ворчите – умирает, умрёт...

Потехин (*усмехнулся*). Ты – слеп! Или, по обыкновению, сочиняешь.

Мастаков. Право, если бы этот Вася умер со смехом, с радостью, ты, пожалуй, возненавидел бы его!

Потехин (*ворчит*). Что за чепуха...

Мастаков (*настойчиво*). Уж наверное ты сказал бы, что он сошёл с ума...

Потехин (*небрежно*). Зина когда была здесь?

Мастаков (*устало*). Часов в пять... около этого.

Потехин (*глядя в землю*). Елена Николаевна пошла с нею?

Мастаков. Да.

Потехин. И не возвращалась?

Мастаков. Нет.

Потехин. Так! Гм! Значит, ты... *(Тихо.)* Константин, мы с тобой старые товарищи...

Мастаков *(отмахнувшись)*. Иди, отдохни, старый товарищ. Ты устал. Береги себя. Твоя культурная деятельность...

Потехин *(угрюмо)*. Не дури!

Мастаков. Иди, иди. Знаю я тебя! Ты хочешь говорить о задачах литературы, о сострадании...

Потехин. Слушай, это серьёзно... Оставим литературу.

Мастаков. Всё прочее – неинтересно. Вот твой отец...

(Вукол Потехин в короткой куртке, шляпе и высоких сапогах стоит на террасе и, подняв голову, смотрит в небо.)

Мастаков. Куда это вы собрались? На луну?

Вукол. Перепелов ловить. *(Идёт к ним.)*

Мастаков. Что за деятельная натура! Преклоняюсь пред вами, землемер. Как это ловят перепелов?

Вукол. Перепелов ловят сетью, во ржи, а человек – на противоречиях.

Мастаков. Браво! Вы владеете афоризмом превосходно. Николай, учись! И книга в кармане?

(Доктор раскуривает сигару, зажигает спички, стараясь незаметно осветить лицо Мастакова, пристально наблюдает за ним. Раскурив, уходит направо в рощу; плечи приподняты, голова наклонена.)

Вукол. И книга. На рассвете выкупаюсь, лягу на росистую траву и часок почитаю, – хорошо, а?

Мастаков. Чудесно! Особенно для вашего ревматизма.

Вукол. Будут петь птицы, выполняя закон природы... *(хлопая по книге ладонью)* а человек будет рассказывать мне утешительные сказки про святую Русь, а? *(Мастаков смеётся, болтая ногами.)* О бессребренниках-инженерах, о святом квартальном, о нигилистах, великих простотою души своей, о святых попах, благородных дворянах и – о женщинах, о мудрых женщинах! Как приятно читать эти сказочки в наше-то тёмное, безнадёжное время, а?

Мастаков *(с интересом)*. Нравится он вам, автор?

Вукол. Великий сочинитель! Сердце у него иссохло от тоски и отчаяния, но – он утешает ближнего! Читаю и ласково улыбаюсь ему: ах, милый! *(Подмигивая.)* Знаю я, что всё это – выдумка и утешительного ничего нет, но – приятен душе человек, который, видя всюду зверей, скотов

и паразитов, сказал себе: давай-ка я напишу им образы примерно хороших людей...

Мастаков (*серьёзно, задумчиво*). Да? Вот как вы? Это интересно...

Вукол. Разорвал душу свою на тонкие нити и сплёл из них утешительную ложь... (*Подмигивая, усмехается.*) Думал ободрить меня, русского человека... Меня? Промахнулся, бедняга!

Мастаков. Промахнулся? Почему?

Вукол (*подняв руку, точно клянётся*). Не верю!

Мастаков. Ах вы, старый нигилист!

Вукол. Не верю! Храм сей, скверно построенный и полуразрушенный, Русью именуемый, – невозможно обновить стеной живописью. Распишем стены, замажем грязь и роковые трещины... что же выиграем? Грязь – она выступит, она уничтожит милые картинки... и снова пред нами гниль и всякое разрушение.

Мастаков (*серьёзно смотрит на него, склонив голову, точно птица*). Так...

Вукол. Не верю! Но – умиляюсь, когда человек говорит против очевидности, в добрых целях утешить и ободрить ближнего. Ведь в конце концов мы живём не по логике, а – как бог на душу положит. Вот и вы тоже, как он, противоречите действительности...

Мастаков. Я?

Вукол (*подмигивая*). Ну да, вы! Ведь тоже – выдумываете праведных-то людей, нет их на Руси вживе, а?

(*Саша сходит с террасы, стоит у деревьев. Лицо у неё печальное, она смотрит на Мастакова с упрёком.*)

Мастаков (*спрыгнув на землю*). Это – неверно. Вы запираете жизнь в клетку какого-то обобщения, думая, что так она будет понятнее вам... И это – неверно! (*Увлекаясь.*) Ничего нельзя выдумать, и – не надо выдумывать...

Вукол (*смеясь*). Нельзя? Не надо?

Мастаков. Я верю, что победит светлое, радостное человеческое... я ищу вокруг себя этих явлений... жизнь – щедра, она мне их даёт!

Вукол. Даёт? Грошики, копейки, а?

Мастаков (*горячо*). Мне нравится указывать людям на светлое, доброе в жизни, в человеке... Я говорю: в жизни есть прекрасное, оно растёт, – давайте любовно поможем росту человеческого, нашего! Человеческое – наше, нами создано... да!

Вукол. Не поверят вам... Русский – не любит верить, вера обязывает. Русский любит подчиняться обстоятельствам, – он лентяй. Мы любим

сказать: ничего не поделаешь, против рожна не попрёшь... мы живём шесть месяцев в году... а остальные полгода мечтаем на печке о хороших днях... о будущем, которого не будет для нас...

Мастаков (*снова влезая в гамак, заметил Сашу*). Вы что, Саша?

Саша (*вздрыгнув*). Барыня приказали предложить вам чаю...

Мастаков (*тревожно*). Она пришла?

Саша. Нет. Она сказала, уходя, чтобы в десять часов я предложила вам чай.

Мастаков. Пессимист, чаю хотите? Принесите сюда два стакана, Саша. И – хлеба.

Вукол. Как супруга-то заботится о вас!

Мастаков (*тихо*). Да-а...

Вукол. Превосходнейшая женщина!

Мастаков (*оглядываясь*). Возьмите меня перепелов ловить!

Вукол. Вот это хорошо! Идёмте-ка!

Мастаков. Кажется, **Самоквасов** интересный человек?

Вукол. Мы все интересные люди... (*Саша принесла поднос с чаем.*)
Мы все для вас должны быть интересны.

Мастаков (*протирая руки над головой Вукола*). Заклинаю вас будьте!

Вукол (*усмехнулся, пьёт чай*). Да, **Самоквасов**... заблудился он...
Офицер, командовал ротой, необходимо было помочь сестре, пошёл служить в полицию... В девятьсот пятом году бросил эту службу, говорит – противно стало. А теперь вот жалеет, что бросил...

Мастаков (*с интересом*). Жалеет?

Вукол. Видимо. Очень много говорит о своей глупости... Идёт он.

Самоквасов (*в тужурке военного покроя, офицерской фуражке, высоких сапогах. На плече перепелиная сеть, в руках клетка в холщовом чехле. Раскланялся с Мастаковым*). Добрый вечер! Отличное время выбрали мы с тобой, землемер. Газеты читал?

Вукол. Я же не люблю их.

Самоквасов. Победы. И я не люблю, а отравляюсь ими ежедневно...

Вукол. Ну, тебя немцы беспокоят, а меня – никто! В немцев я не верю, в японцев тоже...

Мастаков (*очень любезно*). Вы хотите чаю? Саша!

(*Саша молча уходит в дом.*)

Самоквасов. Благодарю! Вы тоже международной политикой не интересуетесь?

Мастаков (*улыбаясь*). Я? Нет. О ней пишут сквернейшим языком.

Вукол. И всегда – прозой. (*Мастакову, указывая на Самоквасова.*) Он

очень боится немцев, японцев и, кажется, женщин. Ты ведь и женщин боишься, Мирон, а?

Самоквасов. Я не боюсь, а... мне думается, что шутить не время... Нам, русским, пора бы посмотреть серьёзно на наше положение в Европе... *(Несколько возбуждаясь.)* Никогда ещё Россия не стояла в такой безнадёжной, в такой опасной позиции... И мне странно слышать, что вы, литератор, вы, так сказать, духовная охрана страны... *(Мастаков, улыбаясь, смотрит, склонив голову набок, в лицо ему, – это смущает и несколько раздражает Самоквасова.)* Вы должны знать все беды, грозящие родине вашей...

Мастаков *(улыбаясь Вуколу)*. Вот ещё долг мой – видите?

Самоквасов *(горячо)*. Можно ли шутить, когда из нас снова хотят сделать заслон против монголов? Европа прикрывается нами с востока, а когда мы окончательно истощим силы в борьбе с жёлтой расой, Германия отнимет у нас Польшу, Прибалтийский край, выйдет через Балканы в Эгейское море...

Вукол. Захватит Марс, Венеру, Полярную звезду...

Самоквасов. Если бы ты следил...

Вукол. Привык ты следить и командовать! Раньше – управлял движением извозчиков, а теперь – на государства посягаешь... брось!

Самоквасов. Чудак, ты пойми...

Вукол. Брось политику и – купи гитару. Играй на гитаре. Это очень меланхолично и не нарушает тишины. Приятно будет видеть, как этакий бравый, усатый молодчина, сидя под окном, в час заката наигрывает чувствительно на грустном инструменте...

Мастаков. Браво, землемер! Это очень мило!

Самоквасов *(грустно)*. Эх, господа...

Вукол. И по щеке, на длинный седой ус, тихо сползает тяжёлая слеза одиночества...

(Мастаков смеётся.)

Самоквасов. Когда мы будем серьёзными людьми?

Вукол. А вот когда начнём перепелов ловить.

Мастаков *(Самоквасову)*. Вы знаете, что я с вами иду?

Самоквасов. Приятно знать. А всё-таки, господа, немцы требуют нашего внимания...

Мастаков. Да? А вы знаете, что европейцы упрекают нас в злоупотреблении серьёзными разговорами?

Вукол. Дамы идут...

Самоквасов. Это вас, литераторов, упрекают...

(Слева входят Елена и Зина. Самоквасов кланяется, не протягивая руки.)

Зина. Не бойтесь... давайте вашу лапу... я не злопамятна.

Вукол. К тому же вы ссорились не в последний раз.

Зина. Конечно.

Самоквасов *(смущён)*. Я – рад! Сердечно рад...

(Елена тихо подходит к мужу, он, виновато улыбаясь, как бы невольно протягивает ей руку.)

Мастаков. Как ты долго!

Елена. Скучал?

Мастаков. Вот эти двое обижают меня политикой, философией, астрономией и всяческой мудростью... *(Видит в руке у неё связку ключей на кольце и перчатку, нахмурился.)* Что это у тебя... чьё это?

Елена *(внешне безразлично)*. Вероятно – Ольги Владимировны. Я подняла на дороге, попало под ноги мне... Она была?

Мастаков. Да. Она была. Землемер, мы скоро пойдём?

Вукол *(смотрит на часы)*. Через... через полчаса.

Мастаков *(уходя)*. Пойду оденусь.

Самоквасов *(Зине)*. Мне это простительно... я иногда не понимаю значения слов... Вот, например, часто встречается слово – фикция. Что такое?

Зина *(устало)*. Фикция? Это вы.

Самоквасов. Нет, серьёзно.

Зина. Серьёзно. Вы.

Самоквасов. Но... как же я... если женский род?

Зина *(смеётся)*. Ах... Лена, послушай...

Самоквасов *(вспыхнув)*. Да... я понимаю, что когда мужчина за сорок ставит детские вопросы... это смешно образованной девушке... в двадцать лет. *(Быстро отходит в сторону.)*

Елена *(задумчиво позванивая ключами)*. Что такое? *(Тихо.)* Он, кажется, снова рассердился?

Вукол. Барышня назвала его фикцией. Его!

Зина *(улыбаясь)*. Разве это обидно?

Елена *(Вуколу, мягко)*. Надо ли, чтобы он чувствовал себя чужим среди нас?

Вукол. Ба! Мы с ним друзья почти... Вы уж очень... тонко!

Елена *(улыбаясь)*. А вы не слишком ли просто относитесь к нему?

Вукол. Это – не я! Это вон кто дразнит его всегда.

(Елена не спеша идёт к Самоквасову.)

Вукол. Вот, я получил выговор из-за вас. (*Зина молчит.*) Что, как ваша больная?

Зина (*сердито*). Ведь вам неинтересно это?

Вукол. Почему?

Зина. Потому, что вы человек холодный, чёрствый.

Вукол (*удивлённо*). Вот тебе раз!

Зина (*несколько сконфужена своей выходкой*). Вам скучно жить, и вы...

Вукол. Милое моё дитя! В мои годы всем живётся невесело, но это в порядке вещей, а вот что вам в двадцать лет скучно...

Зина. Мне не скучно, а у меня устали нервы!

Вукол. Тоже непохвально.

Зина (*раздражаясь*). Вы не понимаете... убить так много сил и два года времени на борьбу за свободу человека, измучить мать, и... и вот он изломан, полумёртв... Испытали ли вы это в двадцать лет?.. (*Потехин идёт.*) Испытали?

Вукол. Гм...

Зина (*доктору*). Ну, что?

Потехин. Спит. Температура упала... Это кто там ходит?

Зина. Елена и Самоквасов.

Потехин (*безразлично*). А батька, по обыкновению, злил вас?

Зина. Я, кажется, была невежлива с ним.

Вукол (*успокоительно*). Э, не беспокойтесь этим... нервы у меня не очень чуткие. (*Отходя.*) Мирон, пора идти!

Потехин (*тихо*). Отец иногда бывает тяжёл для собеседника.

Зина. Мне кажется, что все люди играют роли. Он – мизантроп.

Потехин (*прислушиваясь к голосу Елены*). Фамилия у него весёлая Потехин, а человек он – скучный.

Самоквасов. Такой жизни я не понимаю!

Потехин (*усмехаясь*). Однако в старину прозвища не зря давали.

Елена. Немножко доброго внимания друг к другу, и всё станет понятным.

Мастаков (*идёт*). Ну, что же? Перепела или философия? (*Жене.*) Иду! Ты не беспокойся!

Елена (*удивлена*). О чём?

Самоквасов. Ну-с, пошли!

Мастаков (*неловко*). Как – о чём? Обо мне, конечно! (*Целует руку.*) До свиданья!

Елена. До рассвета?

Мастаков. Да.

(Все трое идут направо. Елена, словно смущённая лаской мужа, тихо опускает руку, глядя на неё со странной улыбкой. Потехин, дымя сигарой, следит за игрой её лица. Задумчиво покачиваясь на стуле, Зина тихонько напевает что-то печальное. Издали долетает смех Мастакова.)

Потехин. Славная ночь. Тепло как...

Елена. Да. Хорошо.

Потехин *(глухо)*. Я третью ночь сплю на воздухе... на террасе под окном...

Елена. Комары не кусают?

Потехин. Нет. *(Вздыхнул, оглянулся.)*

(Саша мелькает среди деревьев, всё время следя за Еленой. Её не замечают.)

Зина *(не вставая)*. Пойду домой. Лень идти. А – надобно...

Елена. Хочешь, мы с доктором проводим тебя?

Зина *(позёвывая)*. Если вы хотите... не трудно вам...

Потехин *(живо, неловко)*. Что вы! Приятно... мне, конечно...

Зина. Вот неожиданный взрыв любезности!

Потехин. Какая же тут любезность? Просто спать не хочется.

Зина *(кланяясь)*. Да? Извините мне ошибку...

Елена *(улыбаясь)*. Бедный доктор, он даже покраснел. А знаете, этот Самоквасов интересный человек... Ему среди нас неловко...

Потехин. У него есть что-то общее с моим отцом.

Зина *(насмешливо)*. Скучают оба. Ничего не делают и скучают. От скуки думают о сложных вопросах...

Елена. Мы все, Зина, скучные немножко. И всё от скуки думаем.

Потехин. На даче – отдыхают... Отдых сам по себе повеселее занятие.

(Они ушли. Саша убирает посуду со стола, взяла в руки ключи, перчатку, с отвращением швырнула их на стол, побежала вслед за Еленой и кричит.)

Саша. Елена Николаевна! На минуту... воротитесь... *(Скрывается за деревьями и вскоре выходит вместе с Еленой, говоря ей торопливо, со слезами и обидой в голосе.)* Простите меня... я вас люблю, но я лучше уйду... мне тяжело...

Елена *(стараясь скрыть тревогу)*. Что такое? Говорите прямо, Саша... вас обидел кто-то?

Саша. Ах, нет... я не знаю, как это сказать... Вы научили меня смотреть на Константина Лукича так хорошо... и вот... я боюсь сказать...

Елена. Меня боитесь?

Саша (*подбежав к столу, схватила ключи и бросила их к ногам Елены*). Видите? Это она... это её ключи... она забыла их здесь...

Елена (*глухо*). Нет. Неправда. Это я принесла их. Я нашла на дороге...

Саша (*подавленная, тихо*). Всё равно. Она была здесь... они целовались... мне стыдно сказать, что я видела... они...

Елена (*прислонясь к дереву, выпрямилась и говорит тихо, с гневом и гордостью*). Ступайте прочь! Между мною и моим мужем вы, девчонка... как вы смеее? Ложь!

Саша (*умоляя*). Это не ложь... вы же знаете! Ведь вы знаете!..

Елена. Я ничего не хочу знать... идите!

Саша (*опустясь на стул, плачет*). Господи боже мой... Господи!

Елена (*несколько секунд смотрит на неё, подходит и кладёт руку на голову ей*). Простите меня, Саша... это я от стыда... от слабости... Я знаю, простите... Мне ударило в голову, и я немного обезумела... Это глупо гордость перед вами...

Саша. Что это, господи? Зачем он? Разве она лучше вас? Такой хороший человек...

Елена. Будем молчать об этом... что тут скажешь, что? Как нехорошо, что я обидела вас...

Саша. Ах, вы никого не обидели! Вас обидели!

Елена. Мне трудно верить... не хотелось убедиться...

Саша. Ведь не могла я не сказать вам...

Елена. Да, милая девочка...

Саша (*тоскуя*). Зачем это он сделал?

Елена. Не будем говорить об этом... Я несколько... растерялась...

Саша. Вы – видели! Отчего вы не помешали им?..

Елена. Я? Оставим это, Саша... Не могу говорить... дайте мне воды... и шаль.

(*Саша быстро ушла. Елена ходит, как слепая, и говорит тихонько.*)

Елена. Ты ведь ждала этого... что же? Ты знала, да...

(*Слышен тихий свист – она выпрямилась и сурово смотрит встречу звука. Из-за деревьев выходит Мастаков, быстро подходя к жене, он говорит ласково и радостно.*)

Мастаков. Гуляешь? Одна? Чудесно! Давай посидим, я немножко устал. (*Елена делает движение в сторону от него, он не замечает.*) Я убежал от них, не могу. Один всюду видит злые козни Германии, другой – изнемогает от желания сказать что-то значительное, оригинальное... оба они – маньяки, и – чёрт их побери! (*Взял за руку и ведёт жену к скамье, не замечая её слабых сопротивлений.*) Шёл полем и думал о тебе...

Елена (*тихо*). Обо мне? Да?

Мастаков. О том, какая ты хорошая.

Елена. Послушай, не надо...

Мастаков. Почему? Нет, надо! Иногда мне хочется осыпать тебя всеми нежными словами, какие знаю...

Елена (*заглядывая в лицо ему, со страхом*). Зачем ты говоришь это?

Мастаков. Мне так хочется, и ты не мешай!

Елена (*тревожно*). Ты хочешь сказать что-то? Да? Подожди... прошу тебя! Или нет – лучше скажи... говори скорее!

Мастаков (*играя её пальцами*). Конечно, я буду говорить. Я тебя люблю, видишь ли, такой хорошей, спокойной любовью... как мать, люблю я тебя иногда, хотя ты одних лет со мной... Это – странно? Это – правда, Лена!

Елена (*готовая к удару*). Да... ну, что же?

Мастаков. Сядь, а я лягу и положу голову на колени тебе...

Елена (*бессильно опускаясь на скамью*). Подожди... я помогу тебе сказать...

Мастаков. Ничего, не беспокойся, мне хорошо. Кто это топает?

(*Саша изумлённо останавливается со стаканом воды, в руках.*)

Елена. Саша... Дайте, пожалуйста... идите!

Мастаков. Превосходная девушка эта Саша! Изящная, умненькая и точно фарфоровая. Ты прекрасно сделала, поставив её близко к себе... у неё так быстро растёт сознание своего достоинства, – а это драгоценно! Мне хочется говорить ласковые слова всему миру, я чувствую себя страшно богатым... Ты капаешь на лицо мне, Елена, точно слёзы падают...

Елена. Извини...

Мастаков. Да, так я шёл и думал о тебе, вдруг – сложился недурной рассказ. (*Смеётся радостно.*) Слушай: живёт старуха, она – умная, она видит, что все кругом её – рабы. Но – у неё есть вера в лучшее... смутная вера... и есть у неё комические черты. Её муж – тоже раб. Дочь молчаливая, религиозная, углублённая в себя. В селе является человек с возмущённой душой, какой-то бродяга, бездомный батрак, но – яркий, точно огонь. Он нравится старухе, она видит, что он – не раб, не просто озорник, нет, он – тоскует о чём-то... и она говорит дочери – смотри, к нам пришёл хороший человек. (*Мастаков вскочил, сел и смотрит перед собой, жестикулируя; говорит, как в бреду.*) Такая прямая старуха, тёмное лицо, высохшая грудь, тонкие губы и немножко зелёные глаза – видишь, какая? Ей кажется, что дети её дочери и этого человека будут настоящими людьми, смелыми и гордыми... Она предлагает бродяге жениться на её дочери. Её

муж против, конечно, и этот человек тоже не хочет связывать свою свободу, – не хочет, а девушка задела его душу. Тогда старуха – помолясь богу – пойми это! – разрешает ему и дочери жить не венчаясь. Это я сумею рассказать... да! Ночью она стоит на коленях, умоляя бога возложить на неё грех дочери: «Господи! да не унизится образ твой и подобие твоё да не будет оскорблено в человеке»... не этими словами, Лена, но – эта мысль! Любит бога и не может без скорби и гнева видеть, как в человеке попирается божественное... это я знаю! Эти чувства я знаю! Да... Потом – проступок дочери становится известен отцу – он хочет бить девушку... «Не смей! – говорит старуха, здесь я, мать, виновата! Я, мать, не хочу, чтобы дочь моя – моя плоть рождала людей ничтожных... Я – мать!..» Это хорошо, Лена?

Елена (*тихо*). Да, хорошо.

Мастаков. И – возможно?

Елена (*тихо, убеждённо*). Да. Нужно, чтобы это было возможно в жизни.

Мастаков. Мать! О ней мало говорят, Лена... позорно мало! Матери Гёте – не поняты. А ведь каждая женщина – мать – почти символ... Я буду много писать о матерях... Ты знаешь, что в твоём отношении ко мне есть материнское? Я это иногда чувствую удивительно ясно и сильно... Иногда ты бываешь слишком серьёзна... это немножко скучно... знаешь ли! Ты мало смеёшься, Лена. Но зато с тобой так спокойно, просто... ах, спасибо, Лена! Тверда и непоколебима земля, по которой ты ходишь...

Елена (*задыхаясь от радости и горя*). Слушай... ради бога! Ради твоей души – говори мне всегда всю правду... всегда всю правду! Ложь – это такая пошлость... так не идёт к тебе!

Мастаков. Правда? Иногда она такая дрянь... точно летучая мышь, – кружится, кружится над твоей головой, серенькая, противная... Зачем они нужны, эти маленькие правды, чему они служат? Никогда я не понимал их назначения... Ну, вот – моя старуха, – это ложь, скажут мне, уж я знаю, что скажут. Таких старух нет, будут кричать. Но, Лена, сегодня – нет, а завтра – будут... Ты веришь – будут?

Елена. Да. Помоги им быть, и – они будут! Не о той правде я говорила... Может быть, иногда ты не хочешь сказать мне чего-то, жалея меня... Ради красоты, которую ты так любишь, – не жалея меня! Это унижительно...

Мастаков (*задушевно*). Я тебя не жалею... нет! (*Снова ложится на колени её.*) Милая моя Лена, сегодня я удивительно близок тебе...

Елена (*тревожно*). Сегодня? Почему именно сегодня – скажи!

Мастаков (*закрыв глаза*). Не знаю... Не скажу... Хотя, может быть, догадываюсь... Как славно, живо бьётся твоё сердце...

Елена. Хочешь, я помогу тебе? Скажу за тебя?

Мастаков (*сквозь дрёму*). Подожди... мне хочется молчать... Как это хорошо... тишина... и бьётся хорошее, преданное мне сердце... Думая о тебе... я всегда нахожу что-то новое... новую тему... мысль... удивительно, Лена...

(Он задремал. Саша идёт с белою шалью в руках.)

Саша (*громко*). Простите – я забыла...

Елена (*шёпотом*). Ш-ш... Спит!..

(Саша, видя его позу, опустила голову.)

Елена (*нахмутив брови*). Прикройте ему ноги... тихонько... (*Улыбаясь невольно.*) Смотрите, какое лицо... милое...

(Саша медленно идёт прочь. Елена тихонько покачивает на коленях голову мужа. Потехин выходит с левой стороны, увидел людей на скамье, присмотрелся и, выпрямившись, угрюмо идёт к дому, шаркая ногами.)

Елена (*беспокойно*). Тише...

(Потехин круто обернулся, точно крикнуть хочет, и, махнув рукой, быстро уходит прочь.)

Занавес

Действие второе

Вечер. Заходит солнце. У стола под сосной – Елена, перед нею пальцы. Зина. Вася – в кресле, окутанный пледом. Мастаков – с рукописью в руках. Прислонясь к дереву, стоит доктор Потехин, он курит. За Еленой – Саша, в руках у неё шитьё, она точно прячется, согнулась, иногда смотрит через плечо Елены на Мастакова. Как всегда, лицо у неё печальное, взгляд – укоризненный.

Мастаков (похлопывая рукописью по столу, взволнованный, смотрит на всех по очереди с улыбкой). Ну – судите!

Вася. Я, как осуждённый, говорю последним. Это моё право.

Зина (с гримасой). Ой-ой! Как ты весело шутишь! (Мастакову.) Мне очень нравится. Особенно – дочь!

Саша (тихонько). А мне – старуха!

Мастаков (рад). Конечно, вы сами – старая ведьма! (Доктору.) Остался – ты! (Наклонив голову.) Руби, злодей!

Потехин (неохотно). Ты знаешь, я плохой ценитель искусств.

Мастаков. Судя по началу – попадёт мне!

Потехин. Сказки меня не волнуют.

Елена (тихо). Почему же – сказки?

Мастаков. Лена – ты молчи, тебе нельзя говорить... Ну, Николай, терзай меня...

Потехин. Не торопи! Я, твой читатель, не торопил писать.

Зина. Господи, какой мрачный тон!

Вася. Доктор намерен отнестись к делу серьёзно... (Мастакову.) Очевидно, вы опасно болеете... Чем он болен, уважаемый доктор?

Потехин (усмехаясь). Слабое зрение.

Вася. Угрожает слепота?

Зина. Подожди!

Потехин. Знаешь что, Константин, – отец, пожалуй, прав, когда он говорит о вас, литераторах! (Внезапно с горечью, почти со злобой.) Обманываете вы читателей, да, да! Вы не хлеб насущный даёте нам, а сладкие пряники...

Вася. Вы, кажется, сердитесь, доктор?

Потехин (сильно). Желая возбудить надежды, вы приводите к тяжёлым разочарованиям... однажды вы уже изобразили народ, ожидающий

пророков правды и добра... пророки поверили вам и пошли, и были преданы, были убиты!.. Но вы ещё раз сделали это снова, обманули тех, кто верил вам... вместо могучего народа, о котором вы пели, нас встретил старый, тёмный зверь...

Зина (возмущена). Доктор, вы на границе пошлости!..

Вася (удерживая её). Подожди... терпение...

Потехин (несколько опомнился, провёл рукою по лицу). Не беспокойтесь... и не грубите! Я ведь предупредил – это не моё мнение... это мнение отца.

Вася. Однако вы с такой силой излагаете чужие мнения... интересно бы слышать ваши!

Потехин (угрюмо). У меня нет своих мнений... я не хочу скрывать этого, как теперь делают многие. Я не умею выдумывать наскоро... Мне надоели комедии с переодеваниями нигилистов в фанатиков и фанатиков в нигилистов.

Вася. Как англичанин анекдота – вы не настолько богаты, чтобы шить своё платье у плохого портного?.. Похвально!

Зина (Елене). Беседа принимает несколько истерический характер.

(Елена останавливает её взглядом.)

Мастаков (подавлен). Первый раз вижу тебя таким... что с тобой?

Потехин. Надоело мне всё! Не хочу никакой лжи... никаких утешений и обманов! Не хочу и того, что так весело и беззаботно возвещаешь ты, Константин... не верю в эту твою сказку о матери...

Саша (пугливо). Ой, господи... как это можно!

Вася (насмешливо). Это вы от себя уже говорите?

Потехин (тяжело). Да, это говорю я, Николай Потехин! (Он вдруг взглянул на Елену – согнувшись над пальцами, она спокойно вышивает. Ему точно ушибло голову, он приподнял плечи и – пошёл прочь, говоря.) Если грубо вышло... извините... я ведь этого не хотел.

Вася (усмехаясь). Увы... Разваливается колосс на глиняных ногах... эх, родина моя!

Елена (взглянув на него, потом на мужа). Знаете, чьё мнение здесь ценнее всего? Сашино!

Саша (прячется). Ну, что это...

Елена. Она выросла в той среде, о которой сейчас рассказано нам...

Вася (Зине, негромко). Рассказ из быта готтентотов может оценить только готтентот.

Зина (протяжно). Не надо-о!

Вася. Шатобриан посылал рукопись Аталы индейцам, и только когда

они сказали ему: всё верно! – решил напечатать книгу.

Мастаков (*ласково и мягко*). Разве я лгу? Я? Никогда!

Елена. Нужно ли объяснять?

Мастаков. Мне просто до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего, красивого, не верят в завтрашний день... Я ведь вижу грязь, пошлость, жестокость, вижу глупость людей, – всё это не нужно мне! Это возбуждает у меня отвращение... но – я же не сатирик! Есть ещё что-то робкие побеги нового, истинно человеческого, красивого, – это мне дорого, близко... имею я право указать людям на то, что люблю, во что верю? Разве это ложь?

Вася (*улыбаясь, поучительно*). Ну, да, это обычная ваша мысль... вы часто говорите об этом. Но – вы забываете, что есть нечто неотразимое... пред ним всё наше человеческое, и доброе и злое, – ничтожно, осуждено на гибель.

Мастаков. Боже мой... надоели мне эти слова!

Вася (*иронически*). Надоели? Не более того?

Мастаков. Вам известен обычай омыwać тело покойника? Давайте омоемся от пошлости и лени при жизни! Пусть всё человечество в свой последний час предстанет гибели чистым и прекрасным... пусть оно погибнет с мужественной простотой, с улыбкой!

Вася. О романтизм! Не всё ли мне равно – как умереть?

Мастаков (*уныло*). Да? Всё равно вам?

Елена (*спокойно*). Разве не лучше умереть красиво?

Вася. Я не романтик. Нет.

Зина (*почти с отчаянием*). Да оставьте вы этот похоронный разговор! Только что слышали такой душевный рассказ... право, стыдно перед автором!

Вася. Писателей не стыдятся. Писатель должен быть мужествен... особенно когда он проповедует... весёлый стоицизм! (*Смеётся.*) Каково словцо?

(*Самоквасов идёт с букетом цветов; видя Васю, остановился, хмурится, дёргает себя за ус.*)

Елена (*живо*). Добро пожаловать!

Самоквасов. Моё почтение... (*Делит букет, цветы падают на землю.*) Позвольте предложить вам... и вам... (*Сконфузился.*) Становлюсь стар и неловок...

(*Мастаков встал, отошёл в сторону и, глядя в небо, тихо посвистывает. Вася тоже встал и уходит прочь. Самоквасов, видя это, ещё более теряется.*)

Елена. Саша, поставьте в воду, пожалуйста.

Зина (*идёт вслед за Васей*). Спасибо вам! Чудесные цветы. (*Васе.*) Тебе нравятся ирисы?

Вася (*тихо*). Мне нравится отставной полицейский. Он влюбился в тебя – ты понимаешь?

Зина. Василий! Зачем ты это говоришь?

Вася. Он наверное сделает тебе предложение...

Зина. Перестань!

Вася. И когда я умру... ты выйдешь за него замуж...

(*Они уходят. Елена всё время что-то говорит Самоквасову с доброй улыбкой, оживлённо.*)

Самоквасов. Да... но, видите ли...

Елена (*громче*). Вы преувеличиваете! Люди гораздо более глупы, некультурны, чем злы...

Самоквасов. Я всё-таки прожил сорок лет, и обидно, когда люди, ещё не жившие, третируют тебя...

Медведева (*идёт*). Добрый вечер! А где же мои?

Елена (*оглядываясь*). Тут где-то.

Медведева (*сидясь*). Пора бы домой! Ему запрещено гулять после заката, а он нарочно ходит.

Самоквасов (*крякнув*). Гм... Почему же нарочно?

Медведева. Да уж так... вижу я эту игру! (*Грозит пальцем.*) Я простая женщина, а всё вижу...

Мастаков (*подходя к ней*). А вы не сердитесь... Ведь вы добрейшая душа!

Медведева. Не могу, батюшка! Мать я, и у меня погибает дочь... да! Вы – милый человек, хороший вы человек, ну а материнское – вам неведомо и непонятно. Мук моих вы не знаете, слёз не видите, думушки мои бесконечные неведомы вам... Сына потеряла, теперь – дочь теряю... каково это?

(*Самоквасов мрачно нахмурился и отходит прочь.*)

Мастаков. Дочь теряете? Почему же?

Медведева (*грубовато*). Да что вы – не видите, как она измоталась, устала, изнервилась вся? Ночами – не спит, плачет... А он ей всё о смерти, всё о том, что вот он, молодой, умирает, а она будет жить...

Мастаков (*удивлённо*). Он? А я думал – он... не так...

Медведева. Разве такая она была? Спокойная, крепкая, весёлая! Бывало – целый день смеётся, поёт...

Мастаков. Мне казалось, что у него очень развито чувство

человеческого достоинства и он... не станет...

Медведева. Не станет! Как же! Эдакий-то самолюб да стеснялся бы? Он же первое лицо на свете... ведь из его речей выходит, что когда он помрёт – и мир весь помереть должен, и солнце погаснет... вишь какой лакомый! Да ещё целует её иной раз, о господи! Вдруг заразит, а? Ведь это что же? За что?

Самоквасов *(рычит)*. Это... я вам скажу... это уж я не знаю...

Медведева. Ну, батюшка, тоже и все вы, мужчинки, хороши...

Елена *(предостерегая)*. Не слишком ли жёстко говорите вы? *(Указывает глазами на Самоквасова.)*

Медведева *(изменяя тон)*. Да. Забылась, пожалуй. Мать! Не за себя ожесточаюсь – за дочь... мне что себя жалеть? А дитя своё я обязана хранить... и больно мне видеть, как отравляют душу её смертной тоской... да!

Самоквасов *(Мастакову)*. Вот положение, а? Вот – как тут, что вы скажете? *(Взволнованно отходит прочь.)*

Мастаков *(негромко)*. Не смеет умирающий тащить в свою могилу живого...

Самоквасов. А вот видите – тащит! Ненавижу я этого Васю. Иронический он человек, но – ничтожный!

Медведева. Водицы бы мне, что ли...

Саша *(из-за деревьев)*. Сейчас!

Медведева. Сердце горит. О, господи... милосердный господь наш!.. Сохрани и помилуй юность... одари её радостями от щедрот твоих!

(Все замолчали, поникли. Саша приносит воду. С террасы, позёвывая, идёт Вукол Потехин.)

Вукол *(подходя)*. Я спал – одиннадцать часов подряд! Лёг – в восемь, встал в семь. *(Оглядывает всех.)* Я думал, вы чай пьёте. *(Медведевой.)* Почему, премудрая, у вас такое свирепое лицо?

Медведева *(встаёт)*. Да так... Пришла к чужим людям, нажаловалась, наскрипела... Простите... пойду домой.

Елена. Посидите с нами!

Вукол. Эге, да все вы чего-то... не в духе как бы?

Медведева *(покорно)*. Нет, пойду... Зина одна там...

Вукол. А жених где же? *(Ему не отвечают. Самоквасов смотрит на него сердито.)* Ничего не понимаю! Заспался. *(Самоквасову.)* Тебе, Мирон, я чувствую, хочется пива выпить холодного.

Самоквасов. Мне? *(Решительно.)* Да, идём... мне очень хочется... вообще... *(Быстро уходит.)*

Вукол (*идя за ним*). Стой! Куда ты?

Елена (*Медведевой*). Посидите с нами, а?

Медведева. Точит он её там... нет, я пойду! Вы простите... может, нехорошо говорила я...

Елена. Не мы будем осуждать вас за это.

Медведева. Ой, родная вы моя, тяжело бабой быть! Вы ещё не знаете этого, у вас вон дитя взрослое (*кивает на Мастакова*), а вот, погодите, когда народится много, да начнутся их юные годы...

(*Ушли. Мастаков, посвистывая, смотрит на часы. Возвращается Елена.*)

Мастаков. Какая симпатичная старуха-то, а?

Елена. Очень. Русская.

Мастаков (*оглянувшись, тихо*). Лена, как ты думаешь, могла бы она, из любви к дочери, к юной жизни, – совершить преступление? Возможно ведь, а?

Елена (*улыбаясь*). Думаю – возможно.

Мастаков (*горячо*). Великолепно! Ах, Лена, как это великолепно! Нет ничего лучше возможностей, и нет им границ, а?

Елена. Я не думаю, чтобы именно она могла – пойми! Но – бывало, что матери делали преступления ради счастья детей, – ты это знаешь!

Мастаков (*задумчиво*). Но... мне хотелось бы, чтоб и она могла... например – дать яду этому Васе. Она такая славная! Вот тема, а? Только матери умеют думать о будущем – ведь это они родят его в детях своих... (*Задумался.*) Что такое? Да, мне надо идти...

(*Елена взглянула в лицо ему и идёт к дому. Он хмуро смотрит вслед ей.*)

Мастаков (*вполголоса, неохотно*). Ты не хочешь спросить, куда я иду?

Елена (*не оборачиваясь*). Нет. Зачем? Ты сам сказал бы, если это нужно знать мне.

Мастаков. Я? Сказал бы?.. Подожди минутки две.

Елена (*возвращаясь*). Ни больше ни меньше?

Мастаков (*уныло*). Знаешь – я разорву этот рассказ, а? Он плох.

Елена (*с оттенком строгости*). Почему плох?

Мастаков. Да вот... скажут – фантазия, выдумка... неправда, скажут! Зачем я читал им? Какие тяжёлые люди!.. Николай чем-то заряжен...

Елена (*подошла близко к нему, говорит сдержанно, с большой силой*). Что тебе мнение этих людей? Это люди, не добитые судьбой, они осуждены на гибель своей духовной нищетой, своим неверием, – что тебе до них? Изучай их, и пусть они будут для тебя тёмным фоном, на котором ярче

вспыхнет огонь твоей души, блеск твоей фантазии! Ты должен знать, что они тебя не услышат, не поймут – никогда, как мёртвые не слышат ничего живого. И не жди их похвал, они похвалят только того, кто затратит своё сердце на жалость к ним... любить их нельзя!

Мастаков (*обняв её, заглядывает в глаза ей*). Когда, Лена, ты говоришь так... ты, добрая и нежная... мне даже немного боязно... Откуда у тебя эта... эта сила, Лена?

Елена. Из той веры в будущее, которую ты внушил мне.

Мастаков (*радостно*). Я? Это правда? Значит – я могу передать другим мою веру?

Елена. О, да!

Мастаков. Это меня... радует! (*Оглядывается и – тихо.*) Знаешь иногда мне кажется, что вся Россия – страна недобитых людей... вся!

Елена (*тревожно, с укором*). Что ты говоришь? Стыдись! Это – не твоё!

Мастаков (*снова смотрит в глаза её*). Да-а... ты – веруешь! Без колебаний!.. И я тоже могу так... Но – не всегда... Порой я живу в плену этих впечатлений и пока не одолею их – теряю себя, не вижу, где я, что отличает меня от этих людей. (*Обнял её за плечи и тихо идёт.*) Они входят в душу мне, точно в пустую комнату, сорят там какими-то увядшими словами и маленькими мыслями, тяжёлыми, точно камни... Я начинаю чувствовать осень в груди – и ничего, никого не люблю! Осень – это красиво, ярко, да...

Елена. Но это – не твоё!

Мастаков (*оглядываясь*). Нет, не моё, Лена... Знаешь – мы плохо устроились, дёшево, но – плохо! Живём, точно на улице... Глухо, никто не приезжает к нам... уже больше двух недель я не видел ни одного литератора... (*За деревьями появляется доктор.*) Только ты одна... ты, моя умница...

(*Саша идёт.*)

Елена (*нерешительно*). Хочешь – уедем?

Мастаков. Куда? И где у нас деньги?

Саша. Вам записка.

Мастаков (*смущён, ворчит*). О, злая фея!

Саша (*уходя, тихо*). Я – не злая.

Мастаков (*вертит в руках конверт. Елена не смотрит на него. Он – грустно*). Да... Лена... вот...

Елена (*поспешно, точно не желая слушать мужа*). Это вы, доктор?

Потехин (*выходя*). Я. Не помешал?

Елена. О, нет! Чему же?

Мастаков (комически). Чему ты можешь помещать, почтенный друг? *(Суёт конверт в карман и роняет его на землю. Потехин видит это, надвигается вперёд, желая, чтобы Мастаков отступил перед ним.)*

Потехин. Я, собственно, очень угнетён.

Мастаков. Судя по лицу – ты не преувеличиваешь.

Потехин. Давеча я тут говорил... Всё это можно было сказать иным тоном, конечно. Мне будет тяжело, если ты подумаешь... что я враждебно настроен против тебя как личности...

Елена (усмехаясь). Полноте, доктор! Может ли он...

Мастаков. Прошу не мешать оратору!

Потехин. Да. Так вот. Я, собственно говоря, всё сказал. Ты, пожалуйста, не думай...

Мастаков. Не могу. Я всегда думаю. Профессиональная привычка, друг мой.

Потехин (угрюмо). Очень рад, что ты шутишь.

Мастаков (отступая и кланяясь). Лорд! Я вижу радость вашу и наслаждаюсь ею.

Потехин (наступив ногой на конверт, улыбается). Чудак ты всё-таки!

Мастаков. Да, всё-таки... *(Задумался, оттирает платком лицо.)* Всё-таки... странное слово, а? Лена... я пойду... Хочешь со мной?

Елена (твёрдо). Нет.

Мастаков. Почему?

Елена. Мне нужно сходить к Медведевым.

Мастаков (опустив глаза). Может быть, я зайду к Ольге Владимировне... хочешь?

Елена. Нет.

Мастаков (кашлянул). Ну, твоя воля!

(Идёт не торопясь, точно ожидая, что его остановят. Елена смотрит вслед ему. Потехин поднял конверт, взглянул, и лицо его расплылось в широкую улыбку.)

Елена (взглянув на него). Чему это вы рады?

Потехин (взмахивая рукой). А вот... *(Не решился сказать.)* Сейчас придут отец, Медведева, Самоквасов – будем играть в карты.

Елена (уходя). А...

Потехин. Послушайте...

Елена. Что?

Потехин. Вы часто встречали людей, которые не лгут?

Елена. Нет, не часто. *(Присматривается к его руке.)*

Потехин. А как вы думаете – Константин...

Елена (сухо). Простите, что это за письмо у вас?

Потехин (протягивая ей конверт). Я поднял здесь... это ему адресовано...

Елена (взяла письмо). Да? Вы при нём подняли?

Потехин (смущён). Да... то есть... нет... он ушёл уже...

Елена. Почерк, кажется, Ольги Владимировны. (Зовёт.) Саша! Едва ли это что-нибудь важное...

Потехин (угрюмо). Не знаю... Как я могу знать? Прочитайте...

(Саша идёт.)

Елена (ласково). Саша, голубчик, догоните мужа и отдайте ему это... он потерял, забыв прочитать.

(Саша бежит. Елена уходит, не взглянув на доктора.)

Потехин (грозит вслед ей пальцем и шепчет). Дура... Подожди ты! Благородные комедии, а-а? Подожди, заплачешь!

(Идут Вукол и Самоквасов, оба выпивши.)

Вукол. Если ты мечтаешь поймать хорошего перепела...

Самоквасов (добродушно). Это ты перепил...

Вукол. Нет, слушай... Для этого нужна превосходнейшая самка... а у тебя она – безголосая дрянь. Это противоречит...

Самоквасов. У тебя всё всему противоречит.

Вукол. Это, брат, и забавно! Это и любопытно! Ты подумай – люди мучились, стараясь спрятать все углы, скрыть все шероховатости... вдруг родился Вукол Потехин, посмотрел и говорит...

Самоквасов. Ерунду...

Вукол. Нет! Посмотрел, всё обнажил, всё раскрыл и говорит – это обман! Это – нас унижающий обман!

Потехин (резко). Я не буду играть в карты.

Самоквасов. Почему же?

Потехин. Голова разболелась.

(Уходит. Вукол и Самоквасов молча смотрят друг на друга.)

Самоквасов (обижен). Как хочешь, а – это неделикатно! Сам же пригласил... сейчас придёт **Медведева**... ты пойди, скажи ему, что это нехорошо!

Вукол (неохотно идёт). Он упрям.

Самоквасов. Он вообще... плохой партнер!

Вукол (ворчит). Голова болит... в тридцать лет...

(Самоквасов снял фуражку, отдувается,тирает платком лицо. Идёт Саша.)

Самоквасов. Куда вы, ласточка?

Саша. К Медведевым.

Самоквасов. Скажите старой барыне, что партия не состоится... Да вот они идут! *(Оправляется, молодцевато идёт навстречу.)* А знаете, Матрёна Ивановна...

Медведева *(слушая, что шепчет ей Саша, идёт в дом).* Сейчас, батюшка... подождите!

Самоквасов *(Зине).* Почему такая озабоченность? Что-нибудь случилось?

Зина *(скучно).* Какое у вас смешное лицо!

Самоквасов. С-смешное-с? Мне кажется... у всех мужчин за сорок лет смешные лица... да-с!

Зина. Да? Я не знала этого... Вы не обижайтесь!

Самоквасов. Эх... как вы говорите со мной!

Зина. Как?

Самоквасов. Сверху... с некоторой недостижимой высоты... А я... а я, когда ваша мама рассказывала о том, как этот Турицын мучает вас...

Зина *(изумлена).* Что такое? Мама... вам?

Самоквасов *(испугался, обижен, рубит с плеча).* Отравляет вас, прекрасную, смертной тоской...

Зина *(возмущена).* Как вы... смеете... кто вам позволил? Вы просто дикарь... или – полоумный!.. *(Присматривается к нему и говорит мягче.)* Что с вами? Зачем вы это сказали?

Самоквасов *(тяжело отодвигаясь, бормочет).* Простите... Конечно – я не имею права... тёмная личность... и так далее...

Зина *(негромко).* Не потому... а это жестоко... это гадко – говорить так о больном...

Самоквасов. Ваша мама говорила... Позвольте мне объяснить... Я – не злой, я не гадкий человек, я просто – русский человек, несчастный человек! Не знаю меры добра и зла... ничего не знаю... разбросал лучшие силы души и – вот, никуда не гоюсь... дурацкая жизнь! Очень стыдно, поверьте слову! Вот – познакомился с вашим кругом... жизнь чистая, серьёзная... добрые намерения и бескорыстный интерес к людям... Это новое для меня, человеческое... освежает душу... И – вдруг вижу, что вы приносите себя в жертву...

Зина *(строго).* Я не позволяю вам говорить так!

Самоквасов. Выслушайте меня, ради создателя! Я видел множество бесполезных жертв...

Зина *(более мягко).* Поймите меня – не могу я, не буду слушать, если

вы... Что вы хотите сказать?

Самоквасов. Уйдёте отсюда... дайте мне несколько добрых минут! *(Зина согласно кивает головой, она очень заинтересована и слушает его с большим вниманием.)* Я – вдвое старше вас, знаю жизнь и хочу сказать вам – цените себя дороже! У нас так мало честных, здоровых людей... людей хорошей крови...

Вукол *(выходя на террасу).* Мирон!.. Полицейский!..

Самоквасов *(уходя).* Сейчас, подожди...

Вукол *(ворчит).* Ну... теперь этот сбежал! Чёрт вас побери!

Ольга *(выходит справа, очень возбуждена, старается скрыть это).*

На кого это вы рычите?

Вукол *(игриво).* Прекрасная соседка – я не видел вас лет шестьдесят и...

Ольга. И? Не вышло комплимента!

Вукол. Вы не дали кончить. Рычу, потому что озабочен не хуже любого министра – партии не могу составить.

Ольга. В преферанс? Вы превосходно шутите – оригинально, тонко... Ваши дома?

Вукол. Кто именно? Сын?

Ольга. И другие.

Вукол. Не знаю. Сын дома. Голова у него болит... это молодёжь! Все другие, кажется, в разброде.

Ольга. И писатель?

Вукол. Этот всегда в разброде!

Ольга. Bravo! Вы растёте, серьёзно! Становитесь всё остроумнее. *(Она видит Мастакова в левой стороне за деревьями, Вукол не замечает его.)* Попросите, пожалуйста, доктора... пусть он даст мне... книгу, которую взял у меня... пожалуйста!

Вукол *(уходя).* Готов служить... всегда готов.

(Ольга знаками зовёт к себе Мастакова. На террасу выходит Елена и Медведева, им не видно Ольги за углом и деревьями.)

Медведева. Как подумаешь о наших, бабьих делах – сердце замирает!

Елена *(видит мужа, не может скрыть радость).* Ты уже... воротился?

Мастаков *(медленно проходя мимо).* Да... то есть – нет ещё... Я похожу.

Елена. Хочешь чаю?

Мастаков. Нет.

Ольга *(шепчет).* Почему ты так долго? И такой скучный – почему?

Мастаков (беспокойно). Идёмте...

Ольга. На вы? Что это значит?

Мастаков. Мне трудно... я несколько устал.

Ольга. Да? Только?

(Уходят.)

Потехин (выходит на террасу, видит Елену, Ольгу и Мастакова, уходящих вправо, и громко, торжественно говорит). Какую книгу спрашиваете вы, Ольга Владимировна? Я не брал у вас книг. Может быть, это ты брал, Константин? (Взглянул в сторону Елены и ушёл, спрятав голову в плечи.)

Елена (судорожно оправляя платок на груди). Какой неприятный голос... у доктора!

Медведева. Ох, не люблю я этих семинаристов! Грубияны, зазнайки...

Елена (с преувеличенным интересом). Разве он семинарист?

Медведева. Он ведь у дяди воспитывался, у попа. Землемер-то смолоду в ссылке был, далеко где-то, в Сибири...

Елена (прислушиваясь). Вот как? (Остановилась.) Вам не кажется...

Медведева. Что?

Елена (прижимаясь к ней). Смеются? Кто-то смеётся...

Медведева (не сразу). Нет, не слышу будто. Кому бы тут смеяться? Только Ольга Владимировна и умеет...

Елена. Да?

Медведева. Приятная женщина, право! Злая как будто, а приятная...

Елена. Чем же приятная?

Медведева. Да вот – весёлая. Лёгкая. Даже наш жених, когда она придёт, зубы свои зелёные оскаливает. Пытался было грусть на неё нагнать знаете ли, говорит, что все мы, люди, на смерть осуждены? А она – ни за что, говорит, не помру раньше срока...

Елена. Она... не очень легкомысленна?

Медведева. Есть это в ней. Да ведь тяжёлые-то мысли, серьёзные-то, не всякой бабе по сердцу. А так она ничего, умная. Своего не упустит... И мужчине цену знает!

(Зина устало выходит с левой стороны, бросается в кресло, смотрит на мать и Елену, криво улыбаясь.)

Медведева (тревожно). Что ты? Что ты какая, бог с тобой?

Зина. Устала...

Медведева. Ох, убьёт он тебя!..

Зина. Не он, мама! И вы... совершенно напрасно кричите о нём при

чужих людях! Лена, поздравь меня, я победила сердце Самоквасова.

Елена (*искренно*). Ой... несчастный!

Медведева. Ну, уж я скажу – даже этот и то лучше... хоть здоровый!

Зина. И – деньги есть, мама! Ты подумай! Не знаю, Лена, кто более несчастен, он или я. Как он удивительно говорил... Стоял на коленях... предлагая деньги, чтобы отправить Васю на юг. С доктором, сестрой милосердия... И плакал, точно ребёнок...

Медведева (*ворчит*). Они все мальчишки, когда любят. Знакомо! Ты что же ему сказала?

Зина (*мечется*). Мама! Можно ли спрашивать?

(*Тяжёлое молчание.*)

Елена (*задумчиво*). Он очень несчастный человек... однажды он рассказал мне свою жизнь... даже страшно было слушать! Добрый – а делал ужасные вещи... жил, точно во сне. Иногда – просыпался, ненавидел себя и снова делал гадости. О женщинах говорит так задушевно, с уважением, а – жил с ними, как зверь... Странные люди... безвольные, бесформенные... когда же они исчезнут?

Медведева. Вот, Лена, и ты говоришь, как я! Душат они!

Зина (*тоскуя*). Дорогие мои, милые мои – что же делать? (*Со страхом, понижая голос до шёпота.*) Ведь я не люблю Васю... разлюбила я его...

Медведева (*благодарно*). Слава тебе господи!

Зина. Молчи, мама! Это – плохо... ты не понимаешь!

Елена (*сухо*). Это понятно.

Зина. Мне его жалко... нестерпимо жалко! Но я – не могу... эти холодные, липкие руки... запах... мне трудно дышать, слышать его голос... его мёртвые, злые слова... Лена – это ужасно: жалеть и – не любить, это бесчестно... оскорбительно!.. Он говорит... и точно это не он уже... говорит злые пошлости... Он ненавидит всех, кто остаётся жить... Что он говорит иногда, боже мой! И это тот, кого я любила! (*Плачет.*) Я уже не могу... Я вздрагиваю, когда он касается меня рукой... мне противно!

Медведева. Дочка моя... и мне его жалко... да тебе-то, тебе-то жить надобно!

Зина. Ах, боже мой, боже мой... как хорошо было любить... как хорошо, когда любишь!..

Елена (*наклоняется к ней, сдерживая рыдания*). Да... когда любишь... когда мы любим – нас нет...

Занавес

Действие третье

*Дом подвинут ближе к зрителю. Серый, облачный вечер. На террасе, в плетёном с высокой спинкой кресле, сидит, читая книгу, **Вукол Потехин**. Ноги его – на сиденье другого кресла. Сквозь окно, закрытое марлей, видно доктора – он ходит по комнате и курит.*

Вукол (подняв голову, шевелит губами, зевает). Николай!

Потехин. А?

Вукол. Что такое фатализм?

Потехин (скучно). Фатализм... ну – фатум... рок...

Вукол. Что ты мне слова говоришь? Слова я сам знаю всё... ты понятие обнажи!

Потехин. Отстань, пожалуйста! Что чудишь? Скучно!

Вукол. Это, брат, не чудачество, а старость. (Помолчав.) Тебе нравится Савонарола, а?

Потехин. Кто?

Вукол. Савонарола!

Потехин. Нет. Не нравится.

Вукол (вдумчиво). Почему?

Потехин. Да... чёрт его знает!

Вукол (удовлетворенно). И мне не нравится. Впрочем – я мало читал о нём. А ты?

Потехин. Ничего не читал.

Вукол. Да... Вообще ты мало читаешь. Непохвально... (Повёртывая книгу в руках.) Странная вещь – книга... Беспокойная вещь. Вот – Шиллер. В юности я его любил. А теперь взял... вспомнил твою мать. Мы вместе с нею читали «Песнь о колоколе»... она тогда была ещё невестой моей. Мы были красные с нею, думали о судьбах человечества... и – кричали. Ты тоже, лет пять тому назад, кричал на всех... и на меня кричал. (Удовлетворённо.) А вот теперь – молчишь. Выдохся, выкричался, брат! Почему так быстро, а? (Потехин выходит из комнаты со шляпой в руках.) Ты куда?

Потехин. К больному. К Турицыну.

Вукол. И я с тобой. А то – скучно мне одному... Полицейский мой что-то увял...

Потехин. Он идёт сюда.

Вукол. А-а... Ну, тогда я останусь. *(Потехин недоверчиво смотрит на отца и возвращается в комнату. Вукол, усмехаясь, смотрит вслед ему.)* Так! Конечно... понятно... Что, полиция? Какие козни затеяны немцами против нас?

Самоквасов *(отмахнулся)*. Э, бог с ними!

Вукол. Кончено с Германией? Быстро! Кого ж ты теперь ругать будешь? До девятьсот пятого года ругал правительство – бросил, потом революционеров стал ругать – бросил, немцев начал поносить – и это кончено! Кого ж теперь, чем жить будешь?

Самоквасов *(уныло)*. Сам себя ругать буду...

Вукол. Безобидное дело – не утомляет. Просто – и не обязывает ни к чему.

Самоквасов. Осёл я, кажется...

Вукол. Уже начинаешь? *(Поучительно.)* Заметь однако, что ослы оклеветаны, – это очень неглупое и полезное животное, осёл...

Самоквасов *(заглядывая в окно)*. Рассказал бы я тебе историю...

Вукол. Расскажи... Садись-ка!

Самоквасов *(тихо)*. Пойдём куда-нибудь.

Вукол. Можно. Хотя мне будет сопутствовать ревматизм... точит он меня!

Самоквасов *(на ходу)*. А меня стыд... И тоска.

Вукол *(прихрамывая)*. Тоска? Это наша историческая подруга, а стыд – ты, брат, выдумал. Фантазия! Когда же мы стыдились? Сказано – «стыд не дым, глаза не ест» – и все верят этому.

(Идёт Елена, на голове цветной шёлковый шарф, в руках зонт. Молча кланяется)

Вукол. Привет! Что с вами? Нездоровится?

Елена. Почему? Нет, я здорова.

Вукол. А личико – бледное, и глазки эдакие...

Елена *(оправляясь, улыбнулась)*. Вам кажется...

Вукол. Рад, что ошибся. Приятные ошибки столь же редки, как весёлые люди.

Самоквасов. Ну, и болтаешь ты сегодня!

Вукол. Ревматизм понуждает к философии... это, брат, неодолимо! Здоровому человеку философствовать нет причин...

Потехин *(вышел из комнаты, догоняет Елену)*. На минутку... пожалуйста! *(Елена молча, вопросительно смотрит на него.)* Мне необходимо... я буду краток... два вопроса... Войдёмте ко мне, прошу вас!

Елена. У вас так тяжело пахнет сигарами.

Потехин. Сигарами? Хорошо... всё равно...

Елена. Чем вы так взволнованы?

Потехин (*тихо*). Я? Послушайте... ведь вам известно?..

Елена (*сухо*). Да, известно.

Потехин. Что он изменил вам...

Елена. Я сказала – известно!

Потехин. Вы – спокойны? Что же вы думаете делать? Неужели это не оскорбляет вас? Вас – гордую? (*Задыхается.*)

Елена (*с лёгкой усмешкой*). Вот сколько вопросов! Я не хочу знать почему вы спрашиваете... но я вам отвечу... может быть, это успокоит вас. Я отвечу вам ещё потому, что вы, в своё время, относились к мужу дружески.

Потехин. Я и сейчас...

Елена. Оставьте... Вы знаете, что я его люблю.

Потехин. Не понимаю... не могу понять...

Елена (*мягко*). Это – ваша печаль. Так вот, я его люблю... вы не забывайте об этом!

Потехин (*грубовато*). А он вас топчет в грязь... с первой же красивой и доступной...

Елена (*бледнея, строго*). Мой муж не полюбит дурную женщину.

Потехин. О, чёрт возьми! Вы сумасшедшая, что ли?

Елена. Если вы позволите себе продолжать в этом тоне...

Потехин. Нет... я молчу! Но – объясните же мне! Я человек... я вас люблю, я имею право просить...

Елена. Я говорила уже вам: работа мужа важнее и ценнее моего счастья женщины, моей любви и жизни моей. Не улыбайтесь. Вы сами высоко ставили его... ещё не так давно... когда – извините, я скажу прямо, – когда вы не увлекались мною и вообще были более цельным человеком.

Потехин. Это я разбился о ваше каменное сердце...

Елена. Ох... какие жестокие фразы! Вот что – на эту тему я говорю в последний раз с вами... я просила бы вас понять меня! Я теряю Константина... может быть... но я знаю себе цену, чувствую себя человеком, нужным ему... нужным просто, как человек! (*Тепло и убедительно.*) Я люблю весь строй его дум и чувств... его живую душу люблю... когда он говорит о презрении к страданиям, о силе человека и красоте жизни, я – люблюсь им и готова молиться: господи, благослови путь мужа радости и победы! Я знаю жизнь больше, чем вы, и горя видела больше... но я научилась презирать горе, понимаю его ничтожность...

Потехин. Слова... его слова! Не верю... чужие слова!

Елена. Его слова – не чужие мне... Я знаю, как привычно горе и любимо нами, – да, любимо, потому что делает нас значительнее в своих глазах... *(С тревогой.)* И когда мне кажется, что к нему подходит, его хочет коснуться горе, – я боюсь! Он – хрупкий... он неустойчив...

Потехин *(возмущённо)*. Всё это – фантазии! Выдумали вы человека и стали рабыней его. Вы создали идола, хозяина вашей души... Вам просто скучно с ним, он глупее вас... вы создаёте для себя, для развлечения – роль жертвы!

Елена *(снисходительно)*. Я повторяю вам ваши слова о нём – три года тому назад вы сказали: «Когда я вижу, слушаю его – я молодею, всему верю, жизнь кажется мне лёгкой и простой». Вы говорили это?

Потехин. Ошибался... как вы теперь...

Елена. А однажды вы предупреждали меня: «Дорогой друг, старайтесь как можно меньше стеснять его свободу, он до могилы останется юношей!» Вот ваш совет... совет друга и честного человека. Где этот человек?

Потехин. Вы его смертельно ранили и теперь добиваете.

Елена *(усмехаясь)*. Откуда у вас такие слова? *(Задумчиво.)* Мало мы понимаем друг друга. Сейчас, говоря с вами, я, мне кажется, говорю женщинам... может быть, хочу немножко оправдать себя перед ними... хочу сказать им, что в моём поведении я не чувствую ничего, унижающего человека... хотя это трудно для женщины... Что ж? Да – трудно! И ещё мне хочется сказать, как надо беречь и любить хорошего, честного мужчину...

Потехин *(бешено)*. Который смеётся над вами!..

Елена. Нет. Этого он не сделает никогда.

Потехин. Он сделал!

Елена. Физическая измена... это не насмешка ещё... Это можно объяснить десятком причин... И можно изменить, не теряя уважения.

Потехин. Слушайте... вы не человек! Вы мозг... отвлечённая мысль... без плоти, без сердца...

Елена. Вам следует сказать ещё, что во мне нет зверя... красивого, благородного зверя... и прочее, что принято говорить для того, чтобы опьянённая словами женщина давала вам больше страсти... *(Выпрямляется и говорит с большой силой, тихо.)* А представьте... что всё есть во мне – и зверь, и страсть...

Потехин. Не дразните меня... за что же? И зачем мы ломаете себя?

Елена. Разве я не ясно сказала?

Потехин. Что ваши слова! Всё это поза, роль!

Елена. Думайте как вам угодно. Пусть я рисуюсь, я играю... *(Точно)*

пьянея.) Проиграю я – выиграет жизнь через его радость.

Потехин. Будь он проклят... и вся эта дурацкая жизнь!

Елена. Ужасно режут ухо эти ваши странные тирады и проклятия!.. Где вы их берёте? Давайте кончим, мне пора идти...

Потехин. Всё это – ужасно! В этом нет женщины!

Елена. Вот видите! Давайте же кончим, я вас прошу. Всё сказано. Вы больше не будете говорить со мной о муже моём и о вашей любви... не будете, да? *(Улыбаясь.)* Разве я годна для романа? Такая рассудочная...

Потехин. Ну... а если б... я хочу понять вас! Если б ваш ребёнок не умер?

Елена. Я думала бы так же. Дети без меня ведь только мешали бы ему... он, конечно, отдал бы их мне...

Потехин. Нет! Не верю я вам! Вы хотели скрыть ваше унижение, ваше отчаяние, и – ничего вы не скрыли... Вам – трудно!

Елена. Разве я говорила, что легко?

Таисья *(прислуга Медведевых, бежит и ещё издали зовёт).* Доктор... скореечка, батюшка!..

Потехин *(отталкивая кресло).* О, чёрт... Что там?

Таисья. Вдруг плохо сделалось... кровь горлом...

Елена *(устало).* Идите же!..

(Потехин молча уходит.)

Таисья *(идя за ним).* Шляпочку-то забыли надеть...

(Елена опускается в кресло и точно спряталась за спинку другого. Саша идёт по террасе с газетами и письмами в руках, видит Елену, испуганно остановилась.)

Саша. Вы не ушли? Вам нехорошо?

Елена *(не вставая).* Это почта? Мне – ничего?

Саша. Только доктору. *(Положила почту на подоконник. Робко.)* Может быть, вы пойдёте к себе?

Елена. Нет. Здесь хорошо.

Саша. Елена Николаевна... я боюсь! Что же с вами будет?

Елена. Не беспокойтесь, Саша, ничего... Устала... не хватает сил у меня... Господи – помоги! Не хватает сил...

Саша *(прислушалась).* Ой... идут... идёт она...

Елена *(привстала и снова бессильно опустилась в кресло, точно в обмороке).* Уйдите, Саша... прошу вас... я приду...

(Слышен негромкий, обиженный голос Ольги. Она и Мастаков идут с правой стороны.)

Ольга. И это говорит мужчина... влюблённый мужчина! Стыдитесь!

Мастаков. Но – как же так... сразу?

Ольга. А чего ждать? Пусть все знают, что ты меня любишь... Разве я не имею права гордиться этим?

Мастаков. При чём тут все? Странно! *(Он растерян, в нём есть что-то слегка комическое. Жестикулирует нервно, растрёпан и неловок. Ольга – возбуждена, в голосе её звучат досада и тревога.)*

Ольга. Я не люблю тайн!

Мастаков. Дай мне подумать!

Ольга. О чём?

Мастаков. Я, право, не знаю... не представляю... как это я скажу ей!

Ольга *(возмущена)*. Послушайте – что же это такое? Вы говорили, что любите меня? Это была шутка? Да?

Мастаков *(уныло)*. Какая же шутка, когда вот... Я совершенно не думал, что это так сложно всё... Что ж? Я пойду... скажу ей! Скажу в двух словах, а там уж... Вы, если можно, не уходите... я скоро вернусь...

Ольга. Хорошо... я буду в роще.

(Мастаков, решительным жестом поправив шляпу, идёт на террасу. Елена встала встречу ему. Она спокойна.)

Мастаков *(остановился, снял шляпу и, размахивая ею, не глядя в лицо жены, говорит)*. Вот, Лена... я пришёл сказать... хотя – совершенно не подготовлен... и – вообще... ты, пожалуйста, не сердись... пойми...

Елена *(подходя к ступеням террасы, зовёт Ольгу)*. Послушайте...

(Ольга остановилась.)

Мастаков *(испуган)*. Она – не виновата, честное слово!

Елена *(сдержанно)*. Ты – перестань! Оставь нас... Предложи Ольге Владимировне сказать мне всё, что она находит нужным, а сам – уйди...

Ольга *(медленно подвигается к террасе. Смущена, но храбрится. Смотрит на Елену удивлённо и подозрительно)*. О чём же говорить? Вы, кажется, поняли... значит, всё ясно...

Мастаков. Видишь ли, Лена... это случилось неожиданно... *(Он умоляюще складывает руки и просит.)* Не надо обижать друг друга, а? И не надо драм! Вы обе такие...

(Не договорив, он махнул рукой и ушёл в комнаты. Елена на верхней ступени террасы, Ольга на земле, держится за перила. Молчание.)

Ольга *(улыбаясь)*. Ну-с... вы молчите? Могу идти?

Елена *(мягко)*. Зачем торжествующие улыбки? Мы обе – женщины, не забудьте это. Сегодня я стою перед вами в смешном положении... уверены ли вы, что завтра, через неделю...

Ольга. Не пугайте... это излишне! Понятно, что вы злитесь,

презираете меня...

Елена. Я? Нет! Почему бы?

Ольга. О, я знаю, вам известно, что это не первый мой роман...

Елена (*удивлена, не поняла*). Зачем говорить об этом?

Ольга (*воодушевляясь*). Вы должны знать, что на меня смотрели более жёстко, с большим торжеством, чем я на вас. Беру маленький реванш! Не скрою – мне приятно, что вас, такую умницу, оценили дешевле меня. (*На секунду задумалась, странно улыбаясь*.) Видите, какова жизнь? Не думайте, что я чувствую себя виноватой перед вами... Право, неясно понимаю – зачем я говорю всё это... Вы меня, кажется, задели немного...

Елена (*быстро*). Я не хотела этого! Чем же?

Ольга (*пытливо*). О, я не в дурном смысле... Мы обе женщины сказали вы... Это вышло у вас... очень уместно... я едва не сказала ловко! Мне можно идти, я думаю?

Елена (*спускаясь к ней*). Уж если вы заговорили так...

Ольга (*подозрительно*). Как – так?

Елена. Так просто.

Ольга. А! К чему же мудрствовать? Всё ясно.

Елена. Вы думаете?

Ольга. Конечно!

Елена (*твёрдо*). Вы считаете отношение Константина к вам серьёзным, глубоким, да?

Ольга (*иронически*). О, какой вопрос! А зачем вам знать, что я думаю?

Елена (*тихо, ласково*). Согласитесь, что его жизнь не безразлична для меня.

Ольга (*слегка смущена*). Ах, вот что... его жизнь! Это занимает вас? Но – об этом вы спросите его... он должен знать, насколько серьёзно...

Елена. Он – не знает.

Ольга (*подозрительно смотрит на неё*). Позвольте не поверить вам... и спросить вас – чего вы хотите от меня?

Елена. Представьте, что с вами говорит его мать или старшая сестра...

Ольга (*с улыбкой*). Представить вас его старшей сестрой... это было бы возможно... но – вы были его женой... и человеку, который обижен, нельзя верить!

Елена (*сухо*). Я говорю в ваших интересах...

Ольга. Весьма благодарна... вам не кажется, что это комично?

Елена. Нет, не кажется. Я хотела предупредить вас... он плохо знает себя, он живёт – играя...

Ольга (*скрывая тревогу*). Я тоже люблю так жить...

Елена. Ненавидит всё тяжёлое, неприятное, но когда оно близко к нему – теряется...

Ольга. Что же... следует отсюда?

Елена. Подумайте.

Ольга (*нервно смеётся*). Я, вероятно, очень грубо ответила бы всякой другой женщине... (*С намерением задеть.*) Но вас – мне жалко! (*Ждёт ответа.*) Вы хотите запугать меня... я удивляюсь, почему вы не говорите ничего о таланте Константина Лукича, о его обязанностях пред обществом, служении искусству и так далее...

Елена (*спокойно*). Я не нашла нужным говорить об этом... уж если вы становитесь рядом с ним – значит, вы уверены, что сумеете поддержать в его душе ту светлую силу, которая увлекла вас. Вы убеждены, конечно, и в том, что с вами ему будет во всех отношениях лучше, чем со мной...

Ольга (*волнуясь*). Я совсем не хочу брать на себя задач надзирательницы за ним, я не синий чулок! Вы рисуете его ребёнком? О, la, la! Знаю я этих ребят!.. (*Всё более сбиваясь с тона.*) Вот, вы смотрите на меня так, точно я вытащила у вас кошелёк из кармана... Я кажусь вам вульгарной... конечно! (*Ждёт ответа.*) Вы сделали со мной что-то дурное... вы запутали меня в чужих мне мыслях... чего вы хотите? Разве я виновата в том, что случилось? (*Мастаков является в дверях.*) Я не встречала людей таких, как он... не могла представить, что есть человек, который так необходим для меня...

Елена. А вы – для него?

Ольга (*почти кричит*). Это не ваше дело! Вы не смеее допрашивать меня!

Елена (*вспыхнула, холодно*). Я не нуждаюсь более в этом...

(*Ольга бешено смотрит на неё, хочет что-то сказать.*)

Елена (*жёстко*). Вам нехорошо?

(*Ольга, закрыв лицо руками, быстро идёт прочь. Елена провожает её глазами – лицо у неё суровое. Оборотясь – видит мужа, он бледен, удивлённо и боязливо следит за нею.*)

Елена (*твёрдо, почти грубо*). Если бы она была хуже или лучше, она была бы сильнее меня...

Мастаков. Чёрт побери, Елена... чёрт побери... какая ты! Кто ты такая?

Елена (*проходя мимо него*). Женщина, которая любит! (*Ушла в комнаты. Он проводил её глазами, потирает лоб, быстро сходит с террасы и тотчас снова взбегает назад.*)

Мастаков (*бормочет*). Нет... сначала необходимо... Елена!

(Елена выходит.)

Мастаков. Подожди... куда ты?

Елена. К Медведевым.

Мастаков. Слушай... я, честное слово...

Елена *(вспыхнув)*. Ты, мальчишка, оставь меня!

Мастаков *(хватаясь за голову)*. Вот! Начинается трагедия... Послушай, успокойся немного...

Елена *(с тоской)*. Это – дико... это – пошло! Ты, такой ясный и чистый, ты мог увлечься... Она тебя отравит, погубит...

Мастаков *(с отчаянием)*. О, чёрт... да разве я знал, что это так серьёзно?..

Елена *(спокойнее)*. Для таких людей, как ты, женщины – ступени, по которым вы идёте куда-то выше... но она – ниже меня, пойми это! И не она для тебя, ты – нужен для неё! Вот чего я не допущу! Чтоб ты – ты! – служил развлечением... нет!

Мастаков. Ах, ты рассуждаешь... но какой же чёрт...

Елена. Да, я рассуждаю!.. И – за двоих: за себя, чтобы не мешать тебе, и за тебя, потому что ты живёшь не думая...

Мастаков. Во всём всегда вес и мера!.. Это невыносимо!

Елена. Но ведь ты не взвешиваешь, не измеряешь, а это необходимо среди живых людей, которые чувствуют боль и причиняют её друг другу. Я должна рассуждать и взвешивать, чтобы оградить тебя от всего ненужного, от всего, что может нарушить строй твоей души... ты думаешь, это легко мне? Не это ли сушит мою душу? Не это ли убивает во мне смех и радость? И вдруг я вижу... это может убить! Я поняла бы тебя, если б ты увлёкся Сашей... это такой чистый, светлый, освежающий душу человек...

Мастаков *(ворчит)*. Саша... ну что за фантазия!.. Елена, человек нуждается в свободе... а я – человек...

Елена. Предположи на минуту, что и я тоже человек...

Мастаков. Ты иногда – точно старый монах, а я – твой послушник... Впрочем, может быть, это неверно, я ведь не знаю, как живут монахи... Честное слово – всё это гораздо сложнее, чем я думал, и совсем не весело! Я не люблю драм... а тут – и ты и она – обе недовольны...

Елена *(не сдержав улыбки)*. Какой ты смешной мальчишка! Подумай что ты говоришь? Разве можно играть людьми?

Мастаков. Право же, Елена, у меня в груди нет места для всех этих серьёзностей и... длинных монологов... *(Воодушевляясь)*. Я ужасно рад, что живу и что вот – вокруг меня гудит, волнуется Россия, такая милая, славная страна... мелькают эти смешные, страшно близкие душе, русские

человечьи рожи... дети какие-то особенные растут – ты замечаешь? И русские матери... и эти старые чудаки, такие трогательные в своей ненужности... душа полна хорошей, необидной жалостью к ним. Страшно приятно жить, Лена, честное слово! Догорают огни, но уже вспыхнули другие... хочется писать стихи, поэмы, хочется говорить светлые, задушевные слова... и подмигивать людям глазом – «ничего, братья! живём!» И когда думаешь, говоришь об этом – тот, кто сидит рядом с тобой, незаметно делается так близок тебе, дорог и мил, что решительно всё равно, кто он и как одет мужчиной или женщиной...

Вукол (*идёт прихрамывая*). Эй, господа!..

Елена (*вздвигнув*). Подожди... Что там? Плохо?

Вукол. Идите... Все растерялись... плачут...

Мастаков. Вот видишь, Лена... (*Она быстро уходит.*) Мне тоже надо идти туда?

Елена (*издали*). Нет... не надо!

Вукол. Ну, как же нет? Конечно, идите...

Мастаков. Но зачем же?

Вукол. Гм... знакомый умирает... долг вежливости, что ли... Потом – вы писатель, вам всё надо видеть... это ваш долг.

Мастаков (*вздвигнув*). Ну... пойдёмте...

Вукол (*на ходу*). Да, вот и ещё одним человеком меньше! Люди уходят, а противоречия – остаются... вот, напишите-ка аллегорию на эту тему!

Мастаков (*ворчит*). Очень нужно! Терпеть не могу аллегорий...

(*Ушли.*)

Занавес

Действие четвёртое

*Ночь. Палисадник перед дачей Медведевых. Акация и сирень скрывают маленький, в два окна, домик, с крыльцом из стеклянных рам. Окно с правой стороны крыльца завешено простынёй или скатертью. Сквозь открытые двери на ступени крыльца падает полоса света – в прихожей горит лампа. На ступенях **Самоквасов** и **Зина**, доктор ходит мимо них и курит. Из дома доносится возня – двигают мебель, стучат посудой.*

Зина (негромко). Сегодня утром он говорил, что ему лучше...

Потехин (угрюмо). Все фтизики так говорят перед концом.

Самоквасов (убедительно). У меня сестра – чудеснейшая женщина! – всю жизнь ухлопала на это... положим, её муж болел другой болезнью... но всё равно ведь! Девять лет она ухаживала за ним... вы подумайте, – всю молодость, всю силу женщины отдать капризам больного! Ужас! В тридцать лет она была полуседа... овдовела – на руках пятилетний мальчик, невыносимо нервозный, слабенький...

Потехин (подходит). И вы тоже караете слабых?

Самоквасов. Нисколько...

Потехин. Уж вам-то не к лицу!

Самоквасов (задет). Но, позвольте! (*Потехин идёт прочь. На крыльцо вышел Вукол.*) Я ничего не говорил...

Потехин (издали). Опоздали вы с этими теориями... Они уже не в моде...

Самоквасов (*Зине*). Что с ним? Чего он злится?

Зина (*встаёт, идёт в дом*). Не знаю. Устал, я думаю...

Вукол. Обижает тебя потомок мой? (*Садится рядом, охая.*) Ноет у меня ножка... Вот, Мирон, судьба очистила тебе дорогу...

Самоквасов (болезненно). Брось это... что ты!

Вукол (*тихо*). Ты думаешь, она в глубине души не рада? Хе! Я, брат, знаю женщин...

Самоквасов. Полно, Вукол! Ничего мы с тобой не знаем. (*Подумав.*) У меня, например, никогда не было желания – понимаешь? упорного, страстного желания что-либо знать. А оказывается, это необходимо...

Вукол. Гм... это ты о чём говоришь?

Самоквасов. А о том, что вот мне сорок два года, и я не понимаю человека, который моложе меня, не понимаю его мысли и жизнь... Слов

даже не понимаю! И это – в сорок лет! Хороша страна, где все чужды друг другу... Представь себе европейца...

Вукол (*позёвывая*). Чепуха! Европейцев ты не знаешь... ты их в кутузку сажал? Нет. И не надо говорить об европейцах, думая о женщинах...

Потехин (*подходит*). Нет ли спичек, отец?

Вукол (*даёт*). Возврати. А то ты возьмёшь коробку и – пропал! А я с больной ногой хожу, ищу – где спички?

Потехин. Если у тебя ревматизм – иди и ляг в постель. Это лучше, чем сидеть ночью на воздухе. (*Уходит, забыв отдать спички.*)

Вукол (*толкнув Самоквасова*). Видишь? Женись скорее. В семьдесят лет у тебя будет сын доктор, культурный человек... Очень удобно! Отберёт у тебя спички, а ты... да-а... (*Помолчав.*) Заметь, какой странный язык у нас: мы говорим – сидеть на воздухе. Какие лёгкие люди, подумаешь! Или – пройти курс университета. (*Кивая головой в сторону, куда ушёл сын.*) Вот – он прошёл, насквозь прошёл... и это не особенно задело его...

Самоквасов (*неохотно*). Какой ты...

Вукол. Болтун?

Самоквасов. Нет... как это? Мизантроп...

Вукол (*с некоторой гордостью*). Я, брат, не мизантроп, а скептик... Мало у нас скептиков. Это признак, что мы недостаточно умны...

Самоквасов (*усмехаясь*). Ты вот говоришь, а я не понимаю зачем?

(*Елена и Зина выходят, Самоквасов встал, давая им дорогу.*)

Елена. Господа, пожалуйста, помогите Константину перенести сундуки...

Самоквасов. Иду! Ты бы сидел, скептик.

Вукол (*идя за ним*). Сыро... Потомок прав.

Елена (*лаская Зину*). Ляг иди, может, уснёшь.

Зина. Нет, не хочу... я боюсь, что усну.

Елена. Боишься?

Зина. Мне – стыдно. Я не чувствую горя, утраты... я так странно, стыдно спокойна! Развязалась петля... я могу не лгать, не насиловать себя... мне не надо казаться нежной и любящей... Это хорошо и – нехорошо...

Елена (*улыбаясь*). Вот – слышал бы тебя Константин...

Зина. Нет, не говори ему! Я не хочу, чтобы он считал меня бесчувственной... я так уважаю его!

Потехин (*подходя*). Вам необходимо свидетельство о смерти, я сейчас напишу. (*Проходит в дом.*)

Зина. Как он это сказал!.. Когда он подходит близко ко мне, я ощущаю прикосновение какой-то тяжести... Лена, я не кажусь тебе бессердечной?

Елена. Перестань об этом. Тебе двадцать лет.

Мастаков (в дверях). Елена, иди сюда! (Когда она подошла, он возмущённо шепчет.) Слушай, какого чёрта Николай рычит на меня? Стоит под носом и сверкает белками... что ему нужно?

Елена (уходя). Я сейчас, Зина.

Мастаков (идя за нею). Возмутительно!

(Зина утомлённо потянулась, наклонила к лицу ветку дерева, обоняет её запах. Вздрогнула, взглянув на занавешенное окно, пугливо отряхает руки.)

Самоквасов (с шалью в руке). Возьмите-ка, сыро!

Зина. Спасибо! Какой вы заботливый.

Самоквасов (расцветая). Ну... это не я... это ваша мама велела мне. Хорошая у вас мама!

Зина (кивая головой). Да.

Самоквасов (волнуясь). Вообще, женщины – самое лучшее... Особенно теперь, когда наш брат... несколько раскис. Знаете, мне можно поверить, – я женщин видел! Я очень плохо, очень грубо жил... немногое могу вспомнить без стыда за себя... и, если было что хорошее, чистое в моей жизни, – это были вы... женщины... Готов молиться: да сохранит их господь бог, ибо нет у него среди русского племени ничего лучше женщин!

Потехин (выходя). Ого! Вот как?

Самоквасов (оборачиваясь к нему). Ах... это вы! Конечно – не согласны? Желаете спорить?

Потехин. Не время и не место.

Самоквасов (горячо). Ироническим возгласам – место, а правдивому свидетельству – не место? Почему-с?

Потехин (проходя мимо него). Вы, точно влюблённый, вспыхиваете... что с вами, а?

Самоквасов. Ничего особенного, благодарю вас! Вы как себя чувствуете? Вот, Зиночка, посмотрите: вчера он призывал народ – вперёд, на бой с судьбой, а сегодня, извольте видеть, – разочарованному чужды все обольщенья прежних дней!

Зина. Не надо сердиться!

Самоквасов. Но ведь это же... это обман... это – игра людьми...

Потехин (раскуривая сигару). Чего вы так волнуетесь? Попросите, и – вам снова дадут место в полиции... (Отходит.)

Зина (болезненно). Ой, доктор... что это вы!

Самоквасов (*задыхаясь*). Вот... культурный человек... а? Благородно, а?

Зина. Он... может быть, он нездоров?

Самоквасов. Да-с... паралич души у него... Нет, извините... мы все – злые, грубые... и ничего не любим... ни друг друга, ни себя самих, ни родину... У нас в жилах течёт дурная, холопья кровь... мы ещё не пережили крепостного права... мы – изнутри рабы...

Вукол (*выходит – Зине*). Вас мать зовёт. Ты что, Мирон?

Самоквасов (*показывая кулак*). Сын твой...

Вукол. Ага!

Самоквасов. Когда-нибудь я его...

Вукол (*глядя в темноту*). Никто не любит моего потомка.

Самоквасов. А он? Он кого любит? Умеет он любить?

Вукол. Не знаю. Не спрашивал.

Самоквасов. Спроси... да!

(*Потехин подходит. Самоквасов, фыркнув, ушёл в комнаты.*)

Вукол. Ты что обижаешь людей?

Потехин. Давай походим, отец.

Вукол. Нога не позволяет ходить.

Потехин. Ах, да... Вот что – я уезжаю... С поездом в пять пятнадцать. (*Вынимает бумажник.*) Вот деньги... Потом ещё пришлю... если будут.

Вукол. Значит, надолго... А служба?

Потехин. Брошу.

Вукол. Ты, может, на Кавказ собрался?

Потехин. Почему на Кавказ?

Вукол. Бывало, люди в твоём положении на Кавказ ездили.

Потехин. Не понимаю.

Вукол. Влюбился?

Потехин (*хмуро поглядел в лицо отца и усмехнулся*). Н-ну?

Вукол. Бездёжно?

Потехин. Далее!

Вукол (*принимая деньги*). Ты лучше в Сибирь поезжай.

Потехин. Зачем?

Вукол. Наживёшь денег. Когда люди противны – необходимо иметь много денег.

Потехин. Скажи тут всем этим, что я получил телеграмму... спешно вызвали в город к больному.

Вукол. А зачем лгать?

Потехин. Верно. К чёрту! Прощай.

Вукол. Давай обнимемся...

Потехин *(обнимая)*. Прощай! Трудно жить, старик.

Вукол. Не удался ты у меня!

Потехин. И ты тоже не очень удался.

Вукол. Ну, всего доброго! Стреляться не думаешь?

Потехин *(усмехаясь)*. До этого не дошло ещё.

Вукол. То-то! Ты – в брюнеток влюбляйся, у них больше темперамента, и они быстрее решают...

Потехин. Брось! Не балагурь.

Вукол. Я – серьёзно. Я это наблюдал. Женись на еврейке – самое спокойное дело. Они – плодовитые, хозяйство любят... пойдут у тебя дети, и завертится тихонько эдакое колесо...

Потехин *(усмехаясь)*. Всё сказал?

Вукол *(отпуская его руку)*. Не плохо говорю! Прощай...

(Потехин уходит. Старик садится на ступени, качая головой, и что-то шепчет вслед сыну. Выходит Медведева, усталая.)

Медведева. Закусить хотите? Там самовар готов. Спать никто не ложится. Где доктор-то? Устал он...

Вукол. Да, устал. Рановато несколько, а вот – устал...

Медведева. Ну, вы всегда двоясмысленно говорите.

Вукол. Уехал он. Просил кланяться всем. В Сибирь уехал.

Медведева. Вы что, батюшка, бредите?

Вукол *(махнув рукой)*. На Кавказ.

Медведева. Ещё куда?

Вукол. Не знаю.

Медведева *(вздыхнув)*. Эх вы, чудаки! Поглядишь на вас – так станет жалко всех! Туда же, шутки шутят, будто им весело... притворяются умными да будто гордыми... совестясь друг пред другом слабостей своих... А вам бы просто сойтись друженько, да поговорить, да поплакать над собой, не стыдись... нечего роли-то играть... публика-то разошлась уж... одни вы остались... одни!

Вукол. Я в спектакле не принимал участия... я сам – публика.

Медведева. Каждый поодиночке тоскует смертно, стыдится всяко... а на людях – пыжится, серьёзное лицо делает... куда уж! А вы поближе друг ко другу, поближе...

Вукол. Премудрая – довольно! Это меня не касается. А вот что, добрая баба-яга... ведь сын-то у меня в самом деле исчез...

Медведева *(равнодушно)*. Куда?

Вукол. Может быть – в Африку, может – ко всем чертям...

Медведева (*недоверчиво*). Фокусничаете вы с ним, батюшка... Идите-ка чай пить. (*Идёт с ним в дом – встречу им Мастаков и Зина.*) Слышали – доктор-то? Уехал!

Мастаков. И прекрасно! Нужды в нём ни у кого нет. (*Зине.*) Мы походим немножко, да?

Зина. Пожалуйста. Очень душно, и голова кружится.

Мастаков (*не зная, о чём говорить*). Может, вам нужно принять каких-нибудь капель?

Зина (*улыбаясь*). Каких же?

Мастаков. Не знаю. (*Вздыхнул.*) Елена никогда не принимает лекарств. А вот Ольга Владимировна пьёт какие-то капли. Иногда от неё пахнет чем-то оглушающим... вроде эфира. И духи у неё... убийственно крепкие...

Зина (*с интересом*). Вам нравится она?

Мастаков. Она? Гм... Д-да... как сказать? Не всегда, я думаю... (*С оживлением – но искусственно.*) Эх, какая хорошая ночь! Так бы и запел!

Зина (*с упрёком*). Что вы? Здесь?

Мастаков. Это действительно... глупо сказал я... Да я и не умею петь... (*Стараясь попасть в тон.*) Конечно... люди рождаются и умирают... днём и ночью...

Зина (*невольно улыбнулась*). Вы так сказали... точно упрекаете их за это.

Мастаков (*смущён*). Да? Вот видите... чёрт возьми! (*Просто.*) Это, должно быть, потому, Зина, что я не знаю... как следует говорить, когда в доме покойник... Я столько прочитал ужасов о смерти, все они так плохо написаны, что у меня нет уважения, нет интереса к этой теме... О смерти сказано больше, чем следовало... она стала похожа на актрису, которую перехвалили. Очень однообразная актриса, но – кричат – ах, она гениальна! (*Увлекаясь, он берёт Зину под руку.*) Конечно, однажды надо будет умереть... в один прекрасный день. Но, милая девушка, до того дня я проживу тысячи прекрасных дней... тысячи – вы понимаете? И каждый день – новые лица, новые движения души, новые цветы и солнце. (*Серьёзно.*) Знаете ли вы, что солнце каждый день новое? Вы читали что-нибудь о Хорсе, боге солнца, и дочерях его хорсалках, иначе – русалках? Вы любите мифологию?

Зина. Я её не знаю.

Мастаков. О, это надо знать! Это изумительно красиво... и, как всё детское, – просто, мудро, невыразимо трогательно. Вам это необходимо знать, вы сами такая русалочка... Я иногда смотрю на вас и думаю – как счастлив будет человек, которого вы полюбите... Представляю себя на его

месте... это ужасно хорошо и полно самых капризных неожиданностей...

Зина (*смущённо*). Послушайте... уместно ли...

(*В палисадник входит Ольга с букетом цветов в руках. Она одета в тёмное, стоит за кустами и слушает.*)

Мастаков (*увлечён*). Если бы вы знали – какая это счастливая особенность представлять себя чем хочешь! Королём, трубочистом, паяцем! Живёшь десятками жизней, чувствуешь все радости и печали мужчин и женщин... скучные, тяжёлые думы стариков и милую, радужную путаницу детской души...

Зина. Это удивительно интересно...

Мастаков. Недалеко отсюда лежит камень-валун... такой старый, серьёзный камень, весь в морщинах... я знаю, что он был когда-то вершиной горы и звёзды были ближе к нему, чем теперь, – он это помнит, и ему скучно... Понимаете? Об этом камне я мог бы рассказать в четырёх строках... только четыре строгие строки! Видите? Так живёшь... Вдруг – полюбишь вас и думаешь о вас целый день... носишь ваш образ в сердце своём, и вы поёте мне такие славные, чудные песни...

Зина (*отнимая у него руку*). Что вы говорите? Разве можно говорить со мной об этом... сегодня!

Мастаков (*удивлён*). Нельзя? (*Она быстро идёт прочь от него.*) Но... когда же можно... странная девушка!

Ольга (*выходит, иронически*). Вы – поторопились!

Мастаков (*тревожно*). Ты – снова... Послушай – Елена тоже здесь!

Ольга. Вот почему вы не приходите ко мне! Это и есть та работа, которой вы так заняты?

Мастаков (*тревожно, тихо*). Если вы встретитесь – я не знаю, что буду делать...

Ольга (*стараясь сохранить спокойствие*). Не знаете? Да?

Мастаков. Честное слово...

Ольга. Честное слово и – вы?

Мастаков. Когда люди смотрят друг на друга свирепыми глазами мне стыдно, я... я чувствую себя совершенно лишним...

Ольга. Вы отдаёте себе отчёт?..

Мастаков. Ах, отчёт! Конечно... я всегда делаю глупости!

Ольга. Не притворяйтесь!

Мастаков. Ш-ш! Зачем же кричать?

Ольга. Что это такое? Ваш способ обратить в шутку отношение ко мне, да? Вы плохо, вы пошло придумали!

Мастаков. Ах, зачем ты говоришь этим тоном? Что я тебе сделал?

Ведь ты – не девушка... и я не могу жениться на тебе немедленно... это смешно! Ей-богу – это смешно!

Ольга (*тише*). Не смейте издеваться надо мной! Я требую объяснений! Я не знаю... это, наконец, жестоко... это – грязно! Послушайте, проповедник добра и красоты, или как вас там зовут...

(*Из дома выходит Елена.*)

Мастаков (*раздражаясь*). Я же объясняю вам русским языком...

Ольга (*видит Елену*). А, милостивый государь, теперь я вам сделаю небольшой скандал... вам всё-таки будет неловко...

Мастаков. Что же это будет! Чего вы хотите?

Ольга (*бросив цветы*). Елена Николаевна... позвольте вам напомнить ваши слова... мы обе женщины...

Елена (*кутаясь в платок, тихо говорит, подходя ближе*). Пожалуйста, уйдёте отсюда.

Ольга. Но вы – умнее меня... вы устроили как-то так, что... я, кажется, с ума схожу!

Елена. Константин, ты плохо выбрал место...

Мастаков (*почти грубо*). Я ничего не выбирал! И ничего не понимаю! Что требуют от меня? Чтобы я немедленно венчался? «Исайя ликуй»? Ещё раз – «ликуй Исайя»?

Ольга. Что за пошлая шутка! Послушайте, он сейчас объяснялся в любви Зине...

Мастаков (*удивлён*). Я?

Ольга. Он носит её образ в сердце своём... говорил он ей...

Мастаков. Послушайте! Что за глупость?

Ольга (*мечется, взбешена*). Это не глупость, это носит другое имя! Авантюризм, распущенность... Мне – стыдно, сознаюсь – я никогда не бывала в таком смешном, дурацком, унижительном положении... о да, сознаюсь!

Мастаков (*смотрит на них обеих по очереди*). Довольно! Говорите что вам угодно, делайте что хотите, а я – я уеду! Я не позволю тащить меня на верёвке даже и в рай... Ничего дурного я не сделал, и никто не страдает, это я страдаю!

Ольга (*Елене*). Какова наглость?

Елена (*спокойно*). Не надо сильных слов... они ничего не объясняют.

Мастаков. Вам угодно, против всякой очевидности, считать меня виновным в проступке, который... в котором и вы принимали участие, как я помню... Позвольте! Я осуждён? Очень рад! Я уезжаю, Елена... я иду уложить чемоданы... вы уж dokonайте меня в моём отсутствии!

Ольга. Что за дикая выходка! Неужели это нормальный человек? Или очень ловкий? Не понимаю!

Мастаков *(горячится)*. Перестаньте болтать! Я уезжаю! Я не могу так жить – у всех на меня какие-то вассальные права... и – при чём тут Зина? Ты же сама, Елена, просила меня развлечь эту вдовую девицу! *(Спокойнее и проще.)* Если я действительно виноват – я извиняюсь... совершенно искренно, да! Но я скажу, что правда, великая правда сказана о женщинах словами... я забыл эти слова... вы заставите всё забыть! *(Он быстро уходит из палисадника. Ольга растерянно смотрит вслед ему. Елена сумрачно задумалась.)*

Ольга *(тихо)*. Он действительно уедет?

Елена. Не думаю.

(Пауза.)

Ольга *(подавленно)*. Вот мы снова друг против друга... Вы действительно поставили меня в смешное положение... ведь это вы, да?

Елена *(тихо)*. Нет, не я...

Ольга. Гм... Мне надо уходить... *(Елена молчит.)* Послушайте, вы так много говорили о женской солидарности и высоких идеях... но – как же вы можете прощать ему это... эти выходки... распущенность эту?

Елена. Прошлый раз я, должно быть, говорила недостаточно ясно и виню себя за это теперь...

Ольга *(издеваясь)*. Слышали бы вы, как он говорил Зине о своей любви!

Елена. Завтра он может повторить это другой девушке или вам...

Ольга *(зло)*. О, нет! Я-то уж не позволю издеваться под собой!

Елена. Я сказала вам – он как во сне живёт и верит в свои сны...

Ольга. Лечите его! Посадите в больницу! Привяжите на цепь!

Елена. Не надо быть грубой! Вы любите его рассказы?

Ольга. Теперь они будут напоминать мне... только моё унижение! Вы счастливы слышать это? *(Елена молча взглянула на неё.)* Станный вы человек... трудно вам поверить! *(Задумчиво.)* Я считала его таким чистым, честным...

Елена. Он таков и есть...

Ольга *(усмехаясь)*. Таков? Но – как же это? Неужели вы не чувствуете оскорбления... впрочем, это не моё дело!

Елена. Не будем говорить обо мне... Если он или я сделали вам больно – я готова просить у вас извинения за него и за себя...

Ольга *(поражена, не верит)*. Вы, женщина, просите у меня прощения, у меня... которая... я вам не могу верить, не могу! Это – христианское

смирение, что ли? Великодушные? Что это?

Елена. Я – женщина, но – рассудочный человек...

Ольга. Не верю... вы говорите необычно... Он вас свёл с ума, этот... паяц! Иногда мне кажется, что вы – человек искренний... и, честное слово, в эти минуты – мне больно за вас!.. *(Задумываясь.)* Должно быть, потому больно, что мы, женщины, действительно близки друг другу... Но я тоже сойду с ума, если буду продолжать такой фантастический разговор! Прощайте. *(Идёт, но тотчас возвращается и говорит серьёзно, просто.)* Послушайте, мне захотелось сказать вам... кажется – это необходимо сказать, но – почему?.. Я не понимаю! Лёгкое сумасшествие... во всяком случае – я далека от раскаяния... Видите ли, я кокетничала с ним... я очень хотела того, что называется победой над мужчиной... Не знаю, зачем нужно было мне это... может быть, хотелось встать рядом с вами и выше вас... уж очень раздражало меня это ваше величие, ваше спокойствие... то, что вы сами называете рассудочностью... вероятно, это какой-то новый род бабьей хитрости... приём, незнакомый мне! *(Говорит как бы сама с собой.)* Он долго не замечал моих атак... вы знаете, конечно, к чему это приводит нас, женщин? Он всё рассказывал мне какие-то сказки... об индусах, берёзах, о Калевале, русских мужиках... удивительно он говорит иногда! Точно не человек... Ну, я кажется, увлеклась им серьёзно... и, желая поскорее выиграть партию, вот – проиграла! *(Она растерялась, ей мучительно неловко, и она хочет скрыть это бойким тоном, небрежными словами.)* Я поняла это... очень скоро... и особенно ясно – после разговора с вами... Вы гораздо убедительнее говорите тоном и глазами... а ваши слова... они мне не всегда понятны... эти ваши странные слова... *(Усмехнулась.)* Вы моложе меня, но у вас уже отцветает душа... знаете это? Я не хочу сделать вам больно... но честное слово! – вы иногда вызываете досадное чувство! Разве можно так относиться к мужчине? Это даже смешно, наконец... Нет, каков этот фантазёр! Точно угорь... он ловок, знаете! Да, да... он неглуп... И, кажется, недурной актёр. В нём есть какая-то незнакомая мне гибкая, но крепкая пружина... он довольно хитрый. Иногда он бывает невыносимо комичен... мне думается – это его способ самозащиты... да? *(Очнулась.)* Что? Я слишком разболталась!

Елена *(тихо).* Спасибо вам.

Ольга *(комически и зло).* За что же? Тогда уж... руку, товарищ! Надеюсь, что однажды и вы будете так же побиты, как вот я! *(С жарким любопытством спрашивает.)* Трудно жить с таким скользким дьяволом? Но должно быть интересно? До безумия, да?

Елена *(как бы ослабев на секунду, отвечает так же горячо).* О, да...

Ольга (*отшатнулась*). А-а... Вот какая вы?.. Ну, тогда... он глуп, конечно!.. Прощайте! Вы удивительно запутанная женщина!.. Я тоже... сглупила... Ну, я уеду! Вам хочется, чтобы я уехала?

Елена (*усмехаясь, смотрит на неё*). Что может изменить ваш отъезд?

Ольга. Ого!.. Ну, всё-таки... спокойнее!

Елена (*с гордостью, не без боли*). Он останется всю жизнь таким... он не изменится никогда!

Ольга (*долго смотрит в лицо ей*). Нет... я вас не понимаю... не могу понять!.. (*Медленно уходит. Елена устало садится на скамью в тени. С крыльца выглядывает Медведева, нерешительно идёт, садится рядом с нею и гладит волосы её.*)

Елена (*тихо*). Тяжело это... вы слышали?

Медведева. Ничего... пройдёт. Говорила она очень громко. Вукол уши наострил, заулыбался всеми улыбками, старый леший. Я уж разговор затеяла, чтобы помешать ему подслушивать, а Самоквасов догадался, помог мне. Деликатный человек... Зина, слава богу, уснула. Спит на диване, одетая... (*толкнув Елену*) а Самоквасов-то комаров отгоняет от неё... а? Эх, люди, люди! Милые вы мои люди!.. (*Задумалась.*) Это она цветы принесла? Лилии, гвоздики... хорошие цветы! Бросила на землю... зачем это? (*Поднимая.*) Тоже, видно, не очень счастлива бабёночка, хоть и бойкая. Бесприютная, видно... и голодна душой-то... вот те и богатство! Не кормит оно душу... Очень горячилась она... слышно было... Куда ей против тебя, Лена! Глупенькая она... Лет, чай, на восемь, на десять старше... а тоже... Чу! Идёт кто-то... Твой идёт... гляди-ка!..

Мастаков (*шляпа на затылке, растрёпан, мрачен, палец на левой руке обмотан платком. Показывает его жене и угрюмо сообщает*). Вот, Елена, я прищемил палец...

Елена. Покажи... сядь...

Мастаков (*убеждённо*). Саша – злая, сонная дура! Неприятнейшая личность! Ничего не понимает... в ней есть что-то кошачье... Мы разругались.

Медведева (*встала, улыбаясь*). У меня примочка есть... вот я принесу её.

Елена. Пожалуйста!

Мастаков. Осторожнее, Лена... я не каменный.

Елена. Что ты там делал?

Мастаков. Что? Укладывался... чемоданы и всё... Я же не могу жить там, где со всех сторон мне кричат в уши – ты мой, наш!

Елена (*хмуро*). Не притворяйся, пожалуйста, я тебе ничего подобного

не говорила.

Мастаков. Всё равно! У тебя тоже инстинкты рабовладелицы... *(Помолчав.)* Я уже всё с моего стола уложил в чемодан... только туда пролился одеколон, и надо было снова всё вынуть. *(Насвистывает.)* Чернила тоже пролились... на диван. А Саша опрокинула рыжую вазу... она, конечно, обвиняет меня! Я рад, что ваза разбилась, мне не нравятся рыжие вещи... и люди. *(Искоса смотрит на жену.)* Тебе – ничего, что я уезжаю? Это тебя не беспокоит? *(Елена молчит.)* Я не могу работать, когда вокруг меня чёрт знает что творится! Все – мрачно улыбаются... Николай убийственно рычит: «Твоя жена – святая!» Это ты – святая... да! Он – филин, этот доктор... и я ведь знаю, что он влюбился в тебя... нечего! Отсюда всё и произошло... *(Благородно.)* Я вовсе не хочу никому мешать, и ты не услышишь от меня никаких упрёков...

Елена *(тихо)*. Пожалуйста, не выдумывай глупостей!..

Мастаков *(не сразу)*. Вы поругались... ты и она?

Елена. Она уезжает.

Мастаков *(живо)*. Честное слово?

Елена. Да.

Мастаков *(облегчённо)*. Это – хорошо! Это – очень хорошо, Лена, право! Пусть она поедет куда-нибудь... да, да! Она – очень хорошая женщина... и сердце у неё доброе... но – она нестерпимо деспотична!

Елена *(тихо, с горечью)*. Неужели тебе не стыдно так говорить о человеке, которого ты оскорбил... ведь ты обидел её, понятно это тебе?

Мастаков *(пристально смотрит на Елену)*. Её? Ты говоришь – её обидел я? *(Помолчав, тепло и просто.)* Слушай, Лена... мне очень стыдно перед тобой... я ведь знаю, что виноват! Я не умею себя вести – вот в чём дело... мне некогда думать о тебе да и о себе тоже... У меня в груди большая дорога, и по ней непрерывно проходят маленькие мыслишки, пёстрые человечки, толкуются, шумят, живут... и я забываю про тебя... Это нехорошо, да... но я, право, не могу иначе, не умею!.. Вот, какое у тебя лицо! Ты, конечно, сердишься... осуждаешь меня и... вообще...

Елена *(просто)*. Разве я жалуюсь? Обвиняю тебя? Я только хотела бы просить – относиться осторожнее к людям, чужим тебе... Не помогай несчастным и слабым быть злыми, они не станут ни сильнее, ни счастливее от этого...

Мастаков. Видишь ли... если она уезжает – я останусь лучше, а? Я не хочу встретиться с нею в пути!

Елена *(невольно улыбаясь)*. Разве один путь?

Мастаков *(обиженно)*. Ты хочешь, чтобы я уехал? Вот, Лена, наши

желания всегда расходятся – видишь?

Елена (*берёт его за руку*). Не надо так говорить... это неискренно, и ты – немного паясничает... да! Выслушай меня внимательно и поверь, что я никогда более не повторю тебе того, что скажу сейчас! Я не хочу мешать тебе ни в чём, что может увеличить красоту твоей души... Клянусь богом – это правда!

Мастаков (*серьёзно*). Я – верю! Я верю тебе всегда... Понимаю, что сделал тебе больно, но... это вышло нечаянно – иногда очень трудно понять, где кончается человек и начата женщина!.. Елена – это случилось, и бесполезно об этом говорить – словами не излечишь боль в сердце... я знаю!

Елена (*тревожно, горячо*). Пойми – я боюсь... я – боюсь, когда к тебе подходит, тебя касается будничное и пошлое...

Мастаков (*смеясь, тихонько целует её руки*). О, не бойся, я хитрый! Очень трудно жить не притворяясь... Часто я играю роль блаженного и дурачка, который не понимает своих поступков, – это очень помогает мне отталкивать от себя разные пошлости и мелочи... Иногда я бываю смешон... помимо моей воли – я знаю это! Знаю... И когда замечаю, что смешон, то пользуюсь этим тоже в целях защиты... да, это нехорошо? Может быть... может быть... но – это охраняет от пустяков... (*Задумался на секунду.*) Жизнь интереснее, честнее людей... Удивительно прекрасна эта наша человеческая жизнь, и – хорошо быть каплей росы, в которой на рассвете отражён луч солнца! Мне кажется, Лена, друг мой, хороший мой друг, что все люди, все, вокруг нас с тобой, – живут вторые, третьи жизни, они рождаются стариками, и жить им – лень! Стариками они рождаются, а я – родился впервые, ребёнком, я счастлив тем, что молод... и – безгранично люблю всё это... всё живое! (*Медведева с аптечной склянкой в руке вышла на крыльцо, посмотрела на них и, улыбнувшись, бесшумно ушла.*) Я рад, что живу, пьян от радости жить, и мне хочется рассказывать всем, впервые рождённым, о счастье моём... ты понимаешь меня, Лена?

Елена. Да.

Мастаков. Не прощай мне, но – забудь... хорошо?

Елена. Да!

Занавес

1910 г.